УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ ШКОЛ I и II СТУПЕНИ

С. И. КАРЦЕВСКИЙ

ПОВТОРИТЕЛЬНЫЙ КУРС РУССКОГО ЯЗЫКА

Научно-педагогической секцией
Государственного ученого совета
допущено для школ II ступени

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1928 ☆ ЛЕНИНГРАД

Главлит № 94964. Гиз № 20641. Тираж 4.000 экз.

Типография Госиздата „Красный пролетарий". Москва, Пименовская, 16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В последнее время в учебной литературе по русскому языку чрезвычайно распространился тип „рабочей книги по языку" с беседами, наводящими вопросами, заданиями и т. д. и с скупо вкрапленными в этот общий фон „выводами", нередко, впрочем, и отсутствующими совсем. Тип догматического учебника почти совершенно вытеснен этим новым типом А между тем на известной стадии обучения (завершительной) догматический тип попрежнему остается незаменимым, так как только он один способен дать ученику в короткий срок цельное, стройное и четко оформленное представление о предмете. И в таком предмете, как язык, где сведения, по существу дела, строго систематичны, потребность в таком учебнике никогда не исчезнет.

Очень удачный опыт такого учебника представляет предлагаемая вниманию читателя книжка. Глубокая продуманность содержания, доведенная до изящества строгость и цельность проводимой системы, предельно ясное и талантливо сжатое изложение — вот основные ее особенности, невольно привлекающие к ней внимание. Конечно, далеко не все изложенное в этой книге является общепризнанным в нашей науке, и в этом смысле можно было бы возражать против применения ее в средней школе. Но научная грамматика не располагает еще в настоящее время в области общих вопросов таким общепризнанным кодексом истин, каким владеют другие науки, и тот, кто настаивал бы на невозможности частных мнений даже и в завершительном курсе средней школы, пришел бы к необходимости реставрации в ней традиционной грамматики. Нам думается, что школа здесь может и должна пока удовлетворяться той „наукообразностью", о которой говорил в свое время Д. Н. Овсянико-Куликовский. Такой „наукообразностью" рекомендуемая книжка обладает в самой полной

мере. При всей догматичности изложения дух научного исследования глубоко пронизывает всю книгу.

Последнее делает книгу не только учебником, а и весьма интересной книгой для всякого, интересующегося вопросами языка.

Как учебник, книга может пригодиться в 8-й и 9-й группах там, где они имеют педагогический уклон, в педтехникумах, в пединститутах, в университетах.

По сравнению с немногими однородными книгами в современной учебной литературе у данной книги есть еще преимущество в том, что она охватывает не только грамматическую систему языка, но и отчасти лексическую и семантическую стороны.

Книжке можно пожелать самого широкого распространения.

А. Пешковский.

26 февраля 1927 г.

ОТ АВТОРА.

Едва ли кто-нибудь сомневается в необходимости старшего, „повторительного" курса родного языка в конце второй ступени, точнее — на восьмом или девятом году обучения. Но нам необходимо обосновать наш собственный взгляд на задачи и содержание подобного курса и тем самым оправдать характер настоящей книги.

Нам представляется, что старший курс родного языка не может быть просто количественным расширением младшего курса. Построенный на совсем иных основаниях, он должен быть теоретическим, элементарно-научным, тогда как перед преподавателем младшего курса, даже перестроенного в согласии с научной грамматикой, будут стоять задания практические: обучение орфографии и владению письменной и устной речью.

Независимо от того, будет или нет оканчивающий вторую ступень продолжать свое образование, он должен вынести из своей школы некоторые сведения о науке о языке как особой дисциплины. В этом отношении наши даже очень культурные люди отличаются полным неведением. Задача настоящей книжки — познакомить учащихся, а также будущих учителей школы I ступени, с механизмом языка вообще. Это как бы элементарное введение в науку о языке, построенное исключительно на явлениях родного языка, или, если угодно, это описание нашей речи, сделанное с лингвистической точки зрения.

Первое, самое главное убеждение, которое, по мысли автора, учащийся должен вынести из этой книжки, это — то, что язык есть социальное установление. Здесь открывается широчайшее поле для наблюдений над тем, как говорят различные социальные группы, каков их словарь, произношение, грамматика, над тем, как одна социальная группа заимствует у другой выражения, произношение, даже грамматику, и как это происходит,

каким, например, образом технические слова из кругов специалистов проникают в общую массу населения, как горожане завозят языковые новшества в деревню и т. д. Речь самих учащихся даст материал для наблюдений над говором лиц разных местностей, а также над индивидуальными и семейными особенностями речи; конечно, и жаргон школьный будет также привлечён как объект для изучения. Мы ни минуты не сомневаемся, что изучение этих сторон родной речи и собирание соответствующих материалов чрезвычайно заинтересуют самих учащихся.

Непосредственно из этих наблюдений вытекает тот вывод, что есть особая норма в пользовании речью, есть общий язык, которым „все говорят". Здесь открывается новое поле для наблюдений как над тем, кто эти „все", так и над взаимодействием разговорного литературного и письменного литературного языков, влиянием на нашу речь книги, газеты и обратно.

Наконец ещё одна сторона тех же наблюдений — это речевые установки, т. е. пользование языковыми средствами для различных заданий: язык газеты (в её разных отделах), учёной книги, лекции, диспута, митинговой речи, рекламы, канцелярский язык, язык церковный и т. д. и т. д. Здесь требуется предварительно усвоить себе натуральное различение в языке двух стихий — интеллектуальной и эмоциональной, и затем разницу между двояким отношением к вещам и людям — объективным и субъективным (его крайний случай — аффективность). Мы не коснулись в нашей книге эстетической установки на выражение. Вопрос этот сложен, не разработан, говорить о нём в учебнике трудно, да он и не имеет прямого отношения к языкознанию. Но ничто не мешает преподавателю показать на примерах, как писатель и поэт гармонизуют и стилизуют объективные данные языка, чтобы характеризовать своих героев, природу, или чтобы вызвать у читателя эстетическое чувство. Всё с тем же социальным характером языка связывается и вопрос о письме и об орфографии.

Главный же вывод, который доминирует над всем нашим изложением, это то, что все знаки языка условны, ибо составляют достояние всех говорящих, что каждый из нас не властен изменять их по своей прихоти, но что перед каждым говорящим в процессе речи стоит задание — выразить своё личное при помощи языковых знаков, созданных всеми и для всех. Здесь бросается в глаза то обстоятельство, что грамматическая сторона слова представляет собою общие значения, обязательные и одина-

ковые для всех. Тот факт, что слово *дом* есть именительный падеж, единственное число, что оно мужского рода, что это название неодушевленного предмета, — является обязательным для всех. Что же касается того содержания, которое я вложу в семантическое (вещественное) значение этого слова, то оно до известной степени, в связи с обстановкой речи, зависит от лица говорящего. Иначе говоря, грамматика есть система общеобязательных в данном языковом коллективе значений — это как бы „материализованные" коллективные идеи. И, поскольку речь идет о языковых категориях, надо полагать, что Durkgeim был прав, приписывая им социальное происхождение.

Наш учебник пытается зарисовать в наиболее простой форме логико-психологический механизм языка. Наш отправной основной пункт — это множественность частичных значений заключённых в слове (см., что сказано выше о слове *дом*), которые мы в целях упрощения сводим к двум главным разрядам: значения семантические (вещественные) и значения формальные, или грамматические. По характеру своих формальных значений слова распадаются на разряды, называемые „частями речи". Весь язык представляет собою систему функциональных отношений между этими частичными значениями, но изложить её в учебнике невозможно, настолько она сложна и отвлечённа, — это уже дело высшей школы и специальных научных трудов [1]. Поэтому механизм речи описан нами нарочито упрощенно, и все же, излагая научную дисциплину, мы не смогли обойтись и без научных терминов. Пусть не посетуют на нас за это педагоги. Грамматика, как уже указывал на это А. М. Пешковский, наука отвлеченная и сложная; сравнивать её в этом отношении можно только с математикой и логикой. И нам кажется, что изучение языка, с одной стороны, как конкретно-социального явления, а с другой — как знаковой системы функциональных отношений, будет очень способствовать развитию и укреплению формального мышления.

Одной из особенностей книги является то обстоятельство, что глава о звуках находится на самом конце: к изучению звуков переходят после изучения грамматики. Такой распорядок вытекает из наших научных представлений о языке. Звуковая различитель-

---

[1] Мы подготовляем к печати книгу для учителей, где сделали попытку изложить функционирование языковой системы более или менее исчерпывающим образом.

ная единица — фонема — является дифференциальным знаком последней степени: фраза, словосочетание (синтагма), морфологические элементы слова, фонема. Анализ же фонемы уводит нас из языка в физиологию звуков и в акустику. В изучении именно родного языка необходимо итти натуральным путем, т. е. от смысловых единиц к звуковым, а не обратно, и, стало быть, от лексики к семантике, потом к грамматике, наконец к физиологии.

Мы совсем не излагали морфологию русского языка, т. е. ту систему знаков (суффиксов, префиксов, флексий, передвижение ударения, чередование фонем, порядок слов), при помощи которой различаются функции значений внутри слов и их функциональные отношения. Это повлекло бы увеличение объема учебника еще страниц на 40—50. Кроме того, едва ли необходимо для ученика прорабатывать этот отдел подробно. Достаточно, если он понимает важнейшие принципы функционирования морфем (а об этом у нас говорится довольно подробно) и в каком-нибудь несложном случае может дать себе отчет в том, каким другим формам данная форма противополагается и чем это выражается. Но, конечно, самому преподавателю необходимо иметь всегда под рукой полное описание морфологической системы русского языка.

Об иных особенностях нашего учебника мы не будем распространяться. Читатель сам заметит их и увидит, конечно, что все они обусловлены нашими научными взглядами на сущность языка, взглядами, которые формировались под влиянием F. de Saussure'a Ch. Bally, Alb. Séchehaye и A. Meillet.

Необходимо, однако, обратить внимание еще на следующую сторону изучения языка. Наш учебник говорит только о синхронии, т. е. о данном состоянии языковой системы, а не об эволюции языка. Но хотя история родного языка и должна, на наш взгляд, изучаться только в высшей школе, тем не менее, представление о движении языка должно быть внушено учащимся ещё на II ступени. В настоящем учебнике преподаватель найдет достаточно материала для того, чтобы показать ученикам, как и почему языковые знаки меняют смысл, возникают новые слова, умирают старые, как индивидуальная речь и по словарю, и по произношению, и даже по грамматике уклоняется от общей нормы. Здесь — в расхождении индивидуального говорения с коллективным — лежит отправная точка возможности языковых изменений. С накоплением во времени этих отклонений в процессе подражания индивидуумов друг другу происходят сдвиги в языке, и он эволюционирует. На этих различиях необходимо остановиться и

продумать их возможно отчетливее и на возможно большем материале.

В заключение автор считает своим приятным долгом выразить свою глубокую благодарность А. М. Пешковскому, взгляды которого ему очень близки, взявшему на себя рекомендовать настоящий учебник вниманию русских педагогов, и проф. Н. Н. Дурново, ценными советами которого он широко пользовался во время работы.

Автор.

1927.

Глава I

Наша речь.

§ 1. Человеческая речь.

Никто не скажет, что граммофон „говорит“: он только воспроизводит, механически повторяет то, что человек записал на его пластинке; ни понять того, что он воспроизводит, ни прибавить к записанному, ни убавить в нем граммофон, конечно, не может. Обученный попугай повторяет слова, которые ему внушили, но это тоже не есть речь: попугай не понимает того, что говорит, и почти не отличается в этом отношении от граммофона. Но у животных, в том числе, конечно, и у попугаев, есть свой язык. Достаточно послушать, как, напр., наседка сзывает цыплят на корм или предупреждает их об опасности, чтобы убедиться в том, что животные „разговаривают“. Но их язык выражает не мысли, а только чувства: страх, голод, ласку, удовольствие, боль и т. п.; напр. звуки, издаваемые собакой, очень разнообразны, и хозяин собаки довольно хорошо понимает её язык.

Речь человека отличается от языка животных тем, что она есть прежде всего язык мыслей. Когда называют её „членораздельной“, этим самым хотят обозначить, что она членится на отдельные мысли, сложные и более простые. В самом простом слове, напр. *дом*, наше сознание различает целый ряд отдельных значений: представление о каком-то жилище, о том, что это предмет, что он один, что слово это мужского рода, что оно употреблено в именительном падеже и т. д. И без всей этой сложности значений, т. е. элементов мысли, нет человеческой речи. Само собой разумеется, что животные не обладают подобной речью.

§ 2. Речь и язык.

Речь есть наша способность выражать свои мысли и чувства, а язык есть способ выражения их, способ использования дара речи. Нельзя сказать, что глухонемой лишен дара речи, но он

лишен возможности выражать свои мысли и общаться с другими, пока не обучится языку. Мы научаемся языку с детства, незаметно для самих себя, слушая и повторяя слышанное от взрослых, уже владеющих языком; глухонемой же не может так учиться языку потому именно, что он глухой.

Мы различаем язык жестов и мимики, напр., у краснокожих и у других дикарей (также в театре, в пантомиме); в подобном же смысле говорят о „языке цветов"; для артистов существует язык красок, линий, музыкальных звуков, который и мы понимаем, но которым не владеем сами. Язык в обычном для всех смысле — это язык слов, т. е. звукосочетаний особого рода (не тех, что употребляются в музыке), составляющихся из звуков, производимых нашим говорильным аппаратом; слова сопровождаются интонацией, а иногда и жестами и мимикой.

Речь есть внутренняя сторона того явления, о котором мы говорим, язык же — его внешняя сторона, и она меняется: у разных народов языки разные, а кроме того, как мы увидим в дальнейшем (§ 7), у одного и того же народа есть различные языки.

§ 3. Высказывание.

Язык служит нам средством общения с другими людьми. Мы обращаемся к ним с вопросами, просьбами, советами, приказаниями, шутками, высказываем наши мысли, чувства, желания. Наша речь состоит из **высказываний,** и каждому сколько-нибудь законченному высказыванию соответствует особая фраза. Мы говорим фразами. Одна фраза от другой отделяется паузой, т. е. после каждой фразы наши говорильные органы приходят в состояние покоя, и мы делаем голосом полную, хотя бы и очень короткую остановку. (На письме этой паузе соответствует точка, а более краткие остановки внутри фразы — полупаузы — обозначаются другими знаками пунктуации, или препинания). Напр.:

— *Что тебе, Петрович, аль что случилось?*

— *Ничего не случилось, Авдотья Арефьевна. Муж тебя спрашивает.*

— *Разве он вернулся?*

— *Вернулся.*

— *Да где ж он?*

— *А на деревне, в избе сидит.*

То слово в фразе, которое является наиболее важным, несёт на себе „фразовое ударение", т. е. произносится с наибольшею силой. Ср. напр.:

В этом озере водится много ***рыбы****. В этом озере водится* ***много*** *рыбы. В* ***этом*** *озере водится много рыбы.*

§ 4. Обстановка.

Читая или даже слыша вышеприведенный разговор и разумея каждую фразу его, мы все-таки не всѐ понимаем. Необходимо знать обстановку (ситуацию) разговора, чтобы точно понимать, о чем идет речь, и что высказывают говорящие лица. Только из обстановки мы узнаем, что второй собеседник — мужик Петрович, у которого приютился Аким, муж Авдотьи Арефьевны, после того как по прихоти помещицы Наум завладел его постоялым двором, и что Авдотья боится Акима, так как сама виновата в том, что случилось (см. Тургенев — „Постоялый двор"). То, что в действительной жизни объясняет обстановка, в книге дается контекстом, т. е. окружающими фразами и всем произведением в целом.

Роль обстановки чрезвычайно важна в речи; благодаря ей многое может не называться, опускаться; фразы становятся неполными. Так, напр., сидя за чайным столом, хозяйка просто спрашивает: *Вам с лимоном или без? А вам крепкого или слабого?* Полные фразы: *Вам как дать чаю: с лимоном или без лимона? А вам какого налить чаю: крепкого или слабого?* — нам показались бы смешными и педантичными. Они не нужны, раз обстановка восполняет опущенное.

§ 5. Интонация.

Представим себе, что мы слышим разговор за стеной, но слов разобрать не можем. Поймём ли мы хоть что-нибудь из происходящего там? Прислушиваясь к голосам, мы можем распознать число говорящих, можем понять, каков характер разговора: мирный, взволнованный, спор, ссора; один упрекает, другой оправдывается или огрызается; один наседает, другой постепенно сдаётся и т. д. Более того — мы можем различить начало и конец фраз и понять, когда фраза оборвалась незаконченной, различим вопрос от ответа, побуждение или приказ от простого изложения. Позволит нам понять всё это **интонация**; но необходимо слышать слова, чтобы понять, о чём идет разговор.

Когда мы говорим, тон нашего голоса то подымается, то опускается. Напр.:

1. *Савельич потребовал огня́* ⌒ (пауза).

2. *Савельич потребовал огня́, чтобы готовить ча́й* ⌒.

3. *Савельич потребовал огня́, чтобы готовить ча́й, который никогда́ так не казался мне вкусен* ⌒

Ни во второй, ни в третьей фразе нельзя остановиться после слова *огня*, а в третьей — и после слова *чай*. Самая интонация предупреждает, что фраза не закончена. Таким образом, законченности высказывания соответствует законченность интонации. Если же фраза почему-либо прервана, не закончена, слушающий тотчас же замечает это (На письме в таком случае ставится многоточие.)

Виды интонаций чрезвычайно разнообразны. Ср., напр.: 1. *Папа дома?* 2. *Папа дома.* 3. *Папа дома!* 4. *Папа, домой!* Но главнейшие сводятся к четырем типам: утверждение (2-й пример), вопрос (1-й пример), восклицание (3-й пример), побуждение (4-й пример). Вопрос может сопровождаться восклицанием, что дает вопросительно-восклицательную интонацию (напр.: *Как?! Папа дома?!*).

Итак, по характеру интонаций различаются фразы: a) утвердительные, или повествовательные, b) восклицательные, c) вопросительные (с восклицанием или без восклицания), d) побудительные, или повелительные. Но это только главные типы, и, напр., восклицательная фраза, в зависимости от того, выражает она радость или злобу или горе и т. д., примет иные оттенки интонации; то же и с другими фразами.

§ 6. Язык.

Наша речь распадается на высказывания. Каждое высказывание выражается особой фразой. Фраза распадается на слова, соединенные между собою по законам грамматики и объединяемые общей интонацией. Для того, чтобы говорить, нужно иметь в запасе готовые и всем понятные слова, заранее установленные грамматические законы и интонации. Такой запас и называется **языком.**

Стало быть, язык состоит из:

1. слов: *мальчик, большой, маленький, книга, читать* и т. д.;
2. грамматики (т. е. законов соединения слов) — напр. *Маленький мальчик читает большую книгу.*
3. Интонаций — напр.: Мальчик читает большую книгу ⌢ или Мальчик читает большую книгу ⌢ ?

Запас слов в языке образует, как принято говорить, „словарь" языка, законы соединения слов — его „грамматику", наконец звуки языка составляют его „фонетику". Наука, изучающая язык, называется языковедением, языкознанием или лингвистикой.

§ 7. Частные языки.

Не только различные народы говорят каждый на своем языке, но и внутри одного и того же народа существуют значительные языковые различия, главным образом в словаре, между классами населения. Так, напр., духовенство, мелкие торговцы, крестьяне, интеллигенция и т. д. говорят не совсем одинаково. Иначе и не может быть: язык есть средство общения между людьми, он является социальным установлением и отражает деление общества на различные группировки. Где у людей общие условия труда, жизни, общие интересы и вкусы — там и язык общий, ибо мысли и чувства этих людей схожи, близки.

Очень важны с этой точки зрения профессиональные группировки. У каждой профессии есть свои особые слова для обозначения как инструментов, так и вообще различных сторон профессиональной деятельности. Подобные слова называются терминами. В жаргоне школьников, моряков, охотников, барышников, особенно же в языке беспризорных, арестантов и воров есть масса своих особых выражений, которые не должны быть понятны для „непосвященных".

Внимательно присматриваясь к тому, как говорят наши знакомые, мы заметим, что почти в каждой семье есть свои особые, домашние словечки, которых нет у других семей, и что даже отдельные лица различаются между собой по манере говорить. Но все эти индивидуальные различия не имеют, конечно, такого большого значения, как различия профессиональные и классовые.

Наконец совсем особенный язык церковный, на котором совершается служба в церкви.

Кроме того язык дробится географически: в каждой местности есть свои особенности в словаре и произношении; когда эти осо-

бенности местных говоров становятся значительными и, напр., касаются и грамматики, то получается, что язык дробится на диалекты.

§ 8. Общий язык.

В отличие от частных языков принято называть общим язык, на котором говорят культурные люди. Общий язык поддерживается школой, книгой, газетой, на нём говорят в государственных учреждениях. На службе, в книгах и газетах приходится всем говорить одним языком, и там исчезают, сглаживаются местные языковые различия; а поскольку разговор или книга не имеют специального характера, то отбрасываются и термины и разные специальные выражения. Каждый стремится говорить „как все". В общем можно сказать, что чем культурнее человек, тем меньше в его речи местных особенностей.

Общий язык всё-таки не остается неподвижным. Жизнь и быт изменяются, изобретаются новые вещи, происходят социально-политические изменения, и для обозначения новых мыслей возникают новые слова, и по тем же причинам отпадают старые. Так, напр., в произведениях наших классиков мы встречаем слова *городничий, оброк, однодворец, повытчик, воевода* и т. д. Эти слова уже в языке не живут, потому что уже нет больше в жизни тех вещей, которые они обозначают. В связи с изобретениями последних двадцати-тридцати лет появились слова *кинематограф, аэроплан, авион, аэродром, летчик, радио, трактор* и т. д., почти все заимствованные с иностранного. Со времени Октябрьской революции появилось множество новых слов для обозначения новых учреждений и новых сторон быта: таковы, напр., хотя бы „сокращения": *Совнарком, ВСНХ, Авиахим, учком, комсомол* и т. д. и т. п.

§ 9. Аффективность.

Когда мы говорим о вещах, которые нас глубоко затрагивают, мы не только называем их и высказываем наши мысли о них, но и выражаем к ним наше внутреннее отношение. Наш разговор принимает **аффективный** характер, т. е. выражает наше отношение, приязненное (симпатия, ласка, нежность, уважение, почтение, простая вежливость) или неприязненное (антипатия, враждебность, холодность, отвращение, неуважение, непочтительность). Ср., с одной стороны, обычное слово *умереть,* а с другой — аффективные выражения: *скончаться, почить, отдать богу*

душу, приказать долго жить, покинуть земную юдоль, и, наконец, такие грубые выражения, как *подохнуть, сдохнуть, околеть.* Ср. также обычные слова *дом, лошадь, белый, город, мужик, лапа* с аффективными словами *домик, домишко*; *лошадка, лошаденка, беленький; городок, городишко, мужичок, мужичонка, мужичишка, мужичище*; *лапка, лапушка, лапонька, лапища* и т. д.

Аффективных слов, выражений, интонаций очень много в языке, и мы постоянно создаем новые или же старым придаем аффективный оттенок. Для выражения искреннего чувства нам прежние слова кажутся слишком тусклыми, затертыми, опошленными именно потому, что они употребляются всеми, а нам хочется выразить своё чувство личное, не похожее на чувства других и которое произвело бы впечатление на нашего собеседника. Даже выражения простой вежливости очень разнообразятся в зависимости от того, с кем мы говорим и в каком настроении находимся; ср., напр., *пожалуйста, милости просим, сделайте одолжение, будьте любезны, будьте добры, соблаговолите, не откажите* и т. д. и т. д.

§ 10. Субъективность.

Самые вещи становятся в наших глазах как бы иными в зависимости от нашего к ним отношения. Для заблудившихся в пустыне путешественников, изнемогающих от жажды, вода совсем не то же, что для нас: с глотком воды связано спасение от смерти, жизнь. К каждому предмету, с которым мы жизненно связаны, у нас устанавливается особое пристрастное, субъективное отношение: мы видим в нем такие качества, которых не увидит посторонний человек. Для нас, напр., *лошадь* есть просто лошадь; ее пол, возраст, даже масть для нас почти безразличны. Не то— для крестьянина или лошадника, торговца лошадьми. Там различают до сорока мастей, там каждый возраст лошади имеет свое название: *жеребенок,* к концу года *стригунок*, на втором году *лошак,* затем *третьяк*, потом *четверточина* и т. д. Эти названия в ходу у сибирских, многолошадных крестьян. Для них лошадь на втором году и лошадь на четвертом году как бы два разных существа, потому что от них разная польза.

Объективное отношение к вещам мы наблюдаем только в науке, или когда речь идет о чём-то, что нас близко не затрагивает. Поэтому научный язык пользуется терминами, т. е. точными словами, которые прямо обозначают понятия, не примешивая к ним нашего

субъективного отношения. В обычной же речи наряду со словами-этикетками, т. е. просто отвлеченно обозначающими вещи, есть много слов описательных. Таковы, напр., *подсолнечник* (находящийся под солнцем), *ёжиться* (сжиматься, как еж сжимается в комок), *лисить* (хитрить, как лиса), *мать-и-мачеха* (растение, у которого верхняя сторона листьев гладкая и холодная, а нижняя — пушистая и тёплая; научный термин — Tussilago farfora), *распушить* (разбранить так, чтобы только „пух летел") и т. д. Всё это будут слова образные.

Слова-этикетки (сюда же принадлежат и термины) служат только для обозначения понятий, слова же образные отвечают нашей потребности не только понимать, но также и воображать, т. е. как бы видеть, слышать, ощущать те предметы и действия, о которых идет речь.

К образным словам нужно отнести и такие, которые самими звуками живописуют, напр. *стрекануть, профершпилиться, чебурахнуться, шморгнуть, хлобыснуться, тараторить, балаболка, кувырком* и т. д. Все образные слова действуют сперва на наше воображение и лишь через него обращаются к рассудку. Все они субъективного характера. Так, напр., то обстоятельство, что цветок подсолнечника повёртывается в течение дня по солнцу, не имеет объективного значения, так как все цветы делают то же самое, но в подсолнечнике это нам бросается в глаза благодаря его величине. Ботаник же, избегая субъективных впечатлений, дает подсолнечнику название-термин (Helianthus annuus).

§ 11. Язык эмоциональный и интеллектуальный.

Высказывая свои мысли, мы стремимся к наибольшей ясности выражения и к тому, чтобы нас полностью поняли. Мы выбираем выражения наиболее точные, объективные, связываем слова по строгим законам грамматики и объединяем их в фразу при помощи простой, главным образом, повествовательной или повествовательно-вопросительной интонации. Это язык мыслей, иначе— **интеллектуальный** язык.

Язык чувств (эмоций) иной. Для выражения несложных ощущений мы пользуемся особыми восклицательными словечками — междометиями: *ой! ай! ай-яй-яй! ага!* и т. д. Главным средством эмоционального языка являются интонации. Смотря по тому, как мы произнесём *Пожар!* — мы выразим самые разнообразные переживания: испуг, ужас, отчаяние, печаль, сочувствие, любопыт-

ство, возмущение, злорадство, покорность судьбе и т. д. и т. д. Сильные движения чувств нарушают спокойный ход нашей речи, разнообразят интонацию, разрывают фразу на части, нарушают и затемняют грамматическую связь между словами, наконец, самые слова заменяются междометиями: говорящий спешит дать исход своему волнению, не думает о собеседнике и не заботится о ясности фразы.

§ 12. Речь практическая.

В повседневной, обыденной практической жизни, когда мы, напр., покупаем и торгуемся на базаре, отдаём распоряжения, сообщаем услышанную новость, делимся впечатлениями от прочитанной газеты или книги, говорим о делах, даём совет, забавляемся и т. д., мы никогда не остаёмся бесстрастными, холодными, но всегда более или менее волнуемся, убеждаем, оспариваем, хвалим, порицаем, браним, угрожаем и т. д.

Поэтому наша практическая речь (т. е. та, которая обслуживает нужды практической жизни) наряду со средствами языка интеллектуального широко пользуется также и средствами эмоционального языка, т. е. разнообразными интонациями, восклицательными словечками (ср. бесстрастное: *он ударил его по спине*; более эмоциональное: *он хлопнул его по спине* и взволнованное: *он хлоп его по спине!*), а также различными аффективными словами и выражениями (ср. *Ну и лапищи же у него! Хочешь баиньки, спатиньки? Старая престарая старушка*; ср. также вежливые: *кушайте, пожалуйте,* и обычные *ешьте, входите*).

В практической жизни мы пользуемся языком главным образом для разговора, поэтому практическая речь обычно имеет форму диалога. В практической жизни мы обыкновенно не строим полных фраз, многое подразумеваем и опускаем, ибо обстановка и контекст восполняют смысл неполных фраз.

§ 13. Речь теоретическая.

Речь, которая не служит задачам практической жизни, но которая бесстрастно излагает ход мыслей, называется теоретической.

Такая речь пользуется средствами языка интеллектуального и состоит из полных фраз, ясных, правильно построенных, из слов неаффективных и по возможности точных, а не образных описа-

тельных. В чистом виде её нигде не существует, но к ней приближается научное изложение, напр. лекция ученого, математическая задача в учебнике или изложение протокола заседания, протокола полицейского, юридических актов, корабельного журнала и т. п.

Несмотря на то, что теоретическая речь никогда не осуществляется полностью, так как никто не бывает вполне бесстрастным (профессор стремится убедить слушателей, заставить их поверить ему; в судебном протоколе сквозит негодование против совершенного преступления), тем не менее именно теоретическая речь с её средствами интеллектуального языка лежит в основе речи практической. Мы понимаем *Он хлоп его по спине!* только как более взволнованное высказывание того же, что в теоретической речи было бы сказано как *Он ударил его по спине.* Фраза *NN скончался* есть только более почтительное выражение мысли: *NN умер.* Фраза *Убирайся!* есть только более грубая форма высказывания мысли *Уходи* и т. д.

Дети, женщины, а также люди малоразвитые живут больше чувствами, поэтому их речь более эмоциональна и далека от речи теоретической. Взрослые люди, более развитые, а также и ученые больше живут рассудком, поэтому их речь менее эмоциональна, ближе к теоретической.

§ 14. Речевые установки.

Средствами языка мы пользуемся поразному; так, прежде всего нужно различать речь устную и речь письменную. Вторая будет отличаться от первой главным образом отсутствием той ситуации, обстановки, которая неотделима от речи устной, от разговора. Поэтому, когда мы пишем, нам поневоле приходится излагать все подробнее, чем мы сделали бы это при разговоре; приходится внимательно думать о том, кому и для кого мы пишем, и выражаться так, чтобы тому было все ясно. Понятно, что как устная, так и письменная речь может иметь характер более теоретический или более практический, выражать известное аффективное отношение говорящего или пишущего как к тому, к кому он обращается, так и к вещам, о которых идёт речь, и т. д.

Затем необходимо различать речевые установки, т. е. характер задания, ради которого мы прибегаем к средствам языка. Мы строим нашу речь поиному, иначе выбираем выражения и связываем их, смотря по тому, хотим ли мы, чтобы наш слуша-

тель (или читатель) спокойно продумал и принял нашу мысль (лекция, научное рассуждение), или хотим увлечь его за нашими чувствами и даже вызвать на какое-нибудь действие (речь на митинге, воззвание, проповедь). Напр. реклама стремится навязать публике убеждение в истине того, что она утверждает; газетная телеграмма кратко, лаконически, но ярко осведомляет нас о фактах, а газетная статья кратко, точно и ярко объясняет нам значение этих фактов с точки зрения этой газеты или партии.

Так создаются различные речевые стили: реклама, прокламация, митинговая речь, газетные заголовки, телеграммы — гонятся за тем, чтобы яркими экспрессивными выражениями врезать нам в память известные утверждения. Афиша кинематографа нагромождает один на другой кричащие и полные преувеличений слова: *потрясающая трагедия, необыкновенные приключения, величайшее произведение мирового гения* и т. д. Но, конечно, подобный стиль будет не к месту там, где книга или живая речь обращаются к мысли и к рассудку.

По характеру речи мы можем судить о лице говорящем, о его образовании, о его среде, о его вкусах, нередко и о местности, из которой он происходит. Выражение, принадлежащее к определенному стилю (напр. к газетному), свойственное определенной среде (напр., торговой) или тесно связанное с воспоминанием об определенном моменте жизни, сейчас же пробуждает в нас ощущение того мира, из которого оно зашло к нам.

Художники слова, поэты и писатели широко пользуются этой способностью слов редких в общем языке для того, чтобы вызывать в нас впечатления разных чувств, людей, классов и т. д. Это особая эстетическая установка на выражение. Для того, чтобы охарактеризовать своих героев, авторы пользуются особенностями их говора, употребляют местные выражения (провинциализмы), прибегают к жаргону; чтобы вызвать у нас картину обстановки действия, прибегают к различным речевым стилям, к словам образным, аффективным и т. д., наконец вводят новые слова (неологизмы) или воскрешают забытые (архаизмы).

§ 15. Синóнимы.

Итак, мы видим, что в языке имеется много речевых слоёв — специальные, аффективные, установочные и т. д., в которых одно и то же содержание высказывания выражается поразному. Такие очень близкие по значению слова и выражения называются **сино-**

нимами. Напр., *тихий, спокойный, мирный; храбрость, отвага, доблесть, бесстрашие, смелость; умереть, скончаться, отойти, отдать богу душу, почить, приказать долго жить, испустить дух, подохнуть, околеть; бездельничать, лодырничать, бить баклуши; однако, все-таки, тем не менее, несмотря на то* и т. д

Одно и то же содержание высказывания (в целом или его частей) может быть выражено различными способами — в зависимости от настроения говорящего, от цели разговора и от обстановки, в которой оно происходит. Так, напр., *Мне тяжело* (бесстрастное интеллектуальное высказывание), *Мне тяжко* (более эмоциональное), *Тяжко мне* (очень эмоциональное), наконец, просто *Эх* (чисто эмоциональное), все они говорят об одном и том же — о подавленном состоянии духа, но говорят поразному.

§ 16. Переносное значение.

В зависимости от обстановки речи одно и то же выражение может получать различные значения. Ср. напр., *Бык пасется в стаде* и *Мост стоит на быках*. В последней фразе устои моста по своей силе и упорности уподоблены быкам. Слово „бык" употреблено в фигуральном, или в переносном значении. Ср. еще *Пошёл!* — обращенное к кучеру, и *Я пошел домой*, в первом случае форма прошедшего времени употреблена в роли повелительного наклонения. Перенесение значения (или транспозиция) совершается постоянно в нашей речи; более или менее неподвижны только термины в науке, все же прочие слова всегда могут быть транспонированы, т. е. употреблены для названия иных вещей, чем те, которые они обычно обозначают.

§ 17. Роль лица говорящего.

Последовательность фраз, их интонация, выбор выражений в зависимости от характера речи, построение полных или неполных фраз и наделение слов прямым или переносным значением — все это делается лицом говорящим. Но, кроме того, оно влияет на фразу ещё в трех направлениях.

1. Лицо говорящее выражает своё отношение к содержанию высказывания: a) рассматривает высказываемое как факт, напр., *Несмотря на болезнь, Ваня не остался на второй год*; b) как предположение: *Несмотря на болезнь, он не остался бы на второй год;* c) лицо говорящее полагает, что своим высказы-

ванием оно может заставить собеседника поступить по его воле: *Несмотря на болезнь, не оставайся на второй год!* Эти различные виды отношения к содержанию называются наклонениями. Таким образом различаются три основных наклонения: изъявительное (выражение факта), сослагательное (выражение предположения) и повелительное (выражение воли).

2. Лицо говорящее устанавливает отношение содержания высказывания к времени: a) *Ваня хорошо учится* — в момент речи; b) *Ваня хорошо учился* — до момента речи; c) *Ваня будет хорошо учиться* — после момента речи. Таким образом устанавливаются времена: настоящее, прошедшее и будущее.

3. Лицо говорящее устанавливает отношение к себе предметов, о которых говорится, и в зависимости от этого названия их меняются. Ср. *Ваня пришел. — А, это ты? — Да, это я.* Здесь одно и то же лицо названо поразному, потому что его отношение к лицу говорящему везде иное. В последнем случае оба совпадают; во втором — это собеседник, к которому обращена речь; в первом это ни лицо говорящее, ни собеседник. Так различаются первое лицо, второе лицо и третье лицо.

§ 18. Эквиваленты фразы.

Иногда собеседник выражает свое отношение к сообщаемому не фразами, а особыми словечками: *Да* (выражает согласие); *Нет* (несогласие); *А?* (просит повторить); *Ну* (просит продолжать); *Гм...* (недоумение, раздумье); *Ну-у* (недоверчивость); *Да? Нет? Разве?* (удивление перед неожиданным) и т. д.

Это заместители (эквиваленты) фразы. Их не нужно смешивать с неполными фразами. В зависимости от характера разговора, эти эквиваленты могут выражать самые разнообразные отношения собеседника к словам говорящего и принимать разнообразнейшие интонации. По большей части они сопровождаются жестами и мимикой.

Глава II.

Строение фразы.

§ 19. Семья слов.

Слова подразделяются на **основные**, напр. *дом, пыль, белый, учить, рано* и т. д., и **производные**, т. е. такие, которые образуются от основных слов. Напр. от *дом* > (производится) *домашний, домовой, домовничать*. Производное слово опирается на своё основное слово и через него понимается. Напр. от *белый* > *белить* (т. е. делать *белым*), *белеть* (быть, казаться *белым*), *белизна* (качество по прилагательному *белый*), *белок* (*белая* часть яйца), *бело* (*белым* образом). От *дом* > *домашний* (относящийся к *дому*), *домовой* (дух, божество, состоящее при *доме*), *домовничать* (оставаться *дома*), *домик* (маленький приятный *дом*), *домишко* (скверный маленький *дом*), *домина* и *домище* (огромный *дом*).

Такая группа производных слов, образуемых от одного основного, называется семьей слов. Пример семьи: *учить* > *учитель, учительница, ученик, ученица, училище, учебник, учение, учёба,* а также *выучить, обучить, отучить, научить, разучить, поучить* и т. д.

§ 20. Синтагма.

Производное слово распадается на две части, напр. *учитель* = „кто учит“, *водовоз* = „возящий воду“, *медвежонок* = „детёныш медведя“, *домик* = „маленький дом“. Обе идеи, заключенные в производном слове, относятся друг к другу как определяемое и определяющее. Если мы условимся обозначать первое знаком Т, второе — знаком Т′, то, напр., учитель (Т′Т) = кто (Т) учит (Т′); *водовоз* (Т′Т) = возящий (Т) воду (Т′); *домик* (ТТ′) = маленький (Т′) дом (Т), и т. д. Такие комбинации определяемого и определяющего называются **синтагмами**. Стало быть, производное слово есть синтагма.

В основных словах тоже есть две идеи. Напр., в слове *дом*, если его сравнивать со словами *хижина*, *изба*, *дворец* и т. д., определяемое — это то, что оно предмет, а определяющее — это особый вид жилища, не хижина, не дворец и т. д., но синтагматический характер их отношений не поддаётся анализу. Ещё примеры: *проиграть* (TT′) = потерять (T) в игре (T′); *мешочничать* (T′T) = состоять (T) мешочником (T′); *пригород* (TT′) = что́ при (T) городе (T′); *всё это я знаю-перезнаю* — здесь *перезнаю* (T′T) = превосходно (T′) знаю (T), даже „*слишком хорошо знаю*“, и т. д.

В обычных производных словах приставка (префикс) или суффикс являются в роли T, а в аффективных словах их роль T′. Это потому, что аффективный характер могут принимать и производные слова, так что аффективное определяющее присоединяется к слову, у которого уже есть одно определяющее, на прежнюю синтагму наслаивается новая. Напр. *водовозишка* (TT′) = скверный (T′) водовоз (T), а *водовоз* уже в свою очередь T′T; ср. также *перезнаю* (T′T) в вышеприведенной фразе и *проиграть* (TT′)

§ 21. Внешняя синтагма.

Те же отношения определяемого и определяющего могут быть выражены целыми словами, а не частями слова. Напр., *маленький* (T′) *дом* (T) вместо „домик“, *возящий* (T) *воду* (T′) вместо „водовоз“, *детеныш* (T) *медведя* (T′) вместо „медвежонок“. Синтагматическое сочетание слов является внешней синтагмой по отношению к внутренней синтагме, заключённой в слове.

Определяющее внутренней синтагмы указывает постоянный признак определяемого, а определяющее во внешней синтагме является признаком более или менее случайным, таким, который можно заменить иным. Напр. всякий „водовоз“ есть „возящий воду“, но всякий возящий воду не есть непременно „водовоз“, потому что он, может быть, случайно, на этот только раз везет воду, водовоз же это делает постоянно, это его главный признак, возить воду — его профессия. „Домик“ — это хорошенький, приятный маленький дом, но всякий „маленький дом“ вовсе не будет непременно приятным, он может быть и грязным и неуютным. „Пригород“ находится перед городом, но не все, что находится „перед городом“, будет „пригородом“, напр. перед городом протекает река, стоит село и т. д. „Белорыбица“ определена как „белая рыба“, но не всякая белая рыба (напр. нельма) есть белорыбица. „Проиграть“ значит „потерять в игре“, но если во время игры я потерял, напр., свой карандаш, то никто не скажет, что я его „проиграл“, и т. д.

§ 22. Слова знаменательные и незнаменательные.

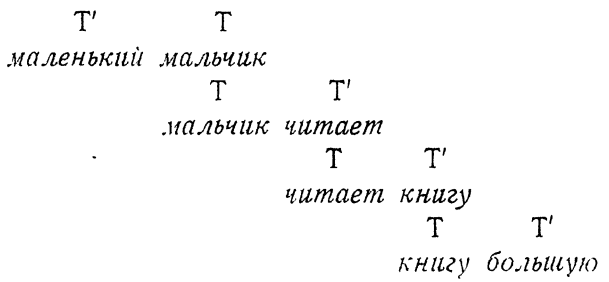
Высказывание состоит из отдельных понятий, связанных в единую мысль. Подобным же образом строится и фраза: одни из слов в фразе обозначают самостоятельные понятия — это знаменательные слова; другие же только выражают отношения между понятиями и служат для того, чтобы устанавливать различного рода связи между знаменательными словами, — это незнаменательные или служебные слова.

Фраза *Маленький мальчик читает большую книгу* составлена из знаменательных слов: *маленький, мальчик, читать, большой, книга.* Каждое из них, взятое отдельно, обозначает какое-нибудь самостоятельное понятие; незнаменательных слов в этой фразе нет. Напротив, в фразе *Катя читает, а Ваня играет*, кроме знаменательных слов *Катя, Ваня, читать* и *играть*, есть еще незнаменательное слово *а*, которое выражает противоположение между мыслью „Катя читает" и мыслью „Ваня играет". Оно связывает обе эти части фразы, но само по себе никакого самостоятельного понятия не выражает.

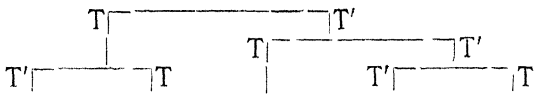
Есть, наконец, слова, которые употребляются двояко: то для обозначения самостоятельных понятий, то для выражения отношений. В первом случае они являются знаменательными; таковы, напр., слова *который, где* и *быть* в фразах: *Которую из этих книг вы берете? Где он живет? Я был на Кавказе* Выступая же в роли служебных слов, они теряют свою знаменательность. Таковы те же слова в фразах: *Мы нашли книгу, которую искали. Идите туда, где виднеется скамейка. Пугачёв был росту среднего.*

§ 23. Синтагматика фразы.

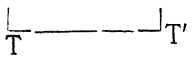
Знаменательные слова в фразе не просто поставлены подряд, но связаны между собою синтагматически, т. е как определяемые и определяющие. Напр.



Иначе говоря фраза распадается на ряд синтагм. Эти синтагмы опять-таки связаны между собою синтагматически, и вся фраза представляет собою сложную синтагму:



Маленький мальчик читает большую книгу.



Знаменательные слова в фразе служат одновременно определяемыми к одним словами и определяющими — к другим. Одно из слов остается **абсолютным** (или независимым) **определяемым** и уже ни к какому другому слову определяющим не служит. Таково в нашем примере слово „мальчик", а в нижеследующей фразе — слово „гулять"

Гулять было приятно.

§ 24. Вещественное и формальное значения в слове. Всматриваясь в слово *вода*, мы различим в нем два ряда значений.

1. Привычное обозначение известной жидкости, которая в химии определяется как H_2O, это вещественное или семантическое значение слова.

2. Значение числа (единственное, ср. *вода* и *во́ды*), рода (женского, так как мы говорим о воде „она", а не „он" и не „оно"), падежа (именительного, ср. *водой, воде, воду* и т. д.) и неодушевленности, — это все формальные или грамматические значения [1]).

В каждом знаменательном слове имеются эти два ряда значений. Напр., слово *играю*, кроме вещественного значения, заключает в себе формальное значение лица (первое), числа (единственное), времени (настоящее), наклонения (изъявительное), вида (несовершенный) и переходности [2]).

---

[1]) Неодушевленность (или одушевленность) — полуформальное, полусемантическое значение.

[2]) То же и переходность (и непереходность).

Формальное значение слова указывает на то, в каких отношениях это слово находится к другим словам в фразе. Таким образом, их роль сходна с ролью служебных слов. С изменением роли слова в фразе изменяются частично и его формальные значения. Напр., в фразе *Маленький мальчик читает большую книгу* мы понимаем, что речь идет о маленьком мальчике и о большой книге, а не наоборот, потому что слова „маленький" и „мальчик" связаны между собою тем, что в них одинаковые формальные значения (единственное число, мужской род, именительный падеж); с другой стороны, „большую" связано с „книгу" (единственное число, женский род, винительный падеж). В то же время „читает" относится к „мальчик", так как в обоих указывается на третье лицо единственного числа.

§ 25. Формальные значения определяющего.

Во внешней синтагме определяющее слово зависит от своего определяемого, и в его формальных значениях происходят изменения, по которым мы и распознаём, что это слово служит T' к такому-то слову. Отношение определяющего слова к определяемому бывает трех родов: a) согласование b) управление и c) примыкание.

1. Согласование. Формальные значения T' отражают, повторяют некоторые формальные значения T, напр. в синтагме *маленький мальчик* „маленький" согласовано с „мальчик" в числе, роде и падеже, иначе говоря, оно отражает формальные значения рода, числа и падежа, заключенные в слове „мальчик". В фразе *Людоед бежит в сапогах-скороходах*, слово „скороходах" согласовано в числе и падеже со словом „сапогах". В фразе *Мы ехали на пароходе „Волге"*, слово „Волге" согласовано в падеже со словом „пароходе". В фразе *Мы сели на скамью, которая стояла у стены*, слово „которая" согласовано с „скамью" в роде и числе. Наконец, в фразе *Мы ехали на пароходе „Волга"*, слово „Волга", хотя и относится к слову „пароходе", но только примыкает к нему, не согласуясь с ним. Согласование переходит в чистый параллелизм в таких случаях, как *Я пойду погуляю немного*, где „пойду" и „погуляю" стоят в одном времени и оба согласованы в лице и числе с „я"; здесь даже нельзя сказать с уверенностью, что „погуляю" служит T' к „пойду" (см. § 28).

2. Управление. Падеж слова T' зависит от того T, к которому это слово относится, но не согласуется ни с чем. Напр. *Отец написал письмо, Письмо написано отцом; Отец не написал письма.*

3. Примыкание. Слово T' не согласуется и не управляется, но своим вещественным значением тяготеет к слову T. Напр. *Мы хорошо погуляли*, где „хорошо“ примыкает к „погуляли“; *Я пойду гулять*, здесь „гулять“ примыкает к „пойду“. *Мы ехали на пароходе „Волга“*, слово „Волга“ примыкает к слову „пароходе“.

Формальные значения, которые зависят от других слов в фразе, называются синтаксическими.

§ 26. Предикативная синтагма.

Среди внешних синтагм есть такие, в которых определяющее отнесено к определяемому благодаря вмешательству лица говорящего (см. § 17). Ср. *читающий мальчик* и *мальчик читает*; во втором случае лицо говорящее констатирует как факт (изъявит. наклонение) признак мальчика и определяет его временный характер (наст. время). Подобное определяющее называется предикативным или предикатом.

Предикативным синтагмам принадлежит главная роль в языке, потому что подобные синтагмы выражают законченную мысль и готовы в любой момент служить фразой; ср., напр., *читающий мальчик*, *чтение мальчика* и т. под., которые, если и могут служить фразой, то только в определённых условиях, напр. при указывании.

Предикативное определяющее это стало-быть такое, которое выражает отношение к лицу говорящему, т. е. наклонение и время. Определяемое, к которому относится предикативное определяющее, является абсолютным определяемым и уже ни от какого другого слова не зависит[1]). Если это название предмета, то (как мы уже знаем из § 17) оно тоже выражает свое отношение к лицу говорящему, и тогда предикативное определяющее согласуется с ним в лице.

Таким образом, кроме обычных согласования, управления и примыкания, есть еще: 1) согласование предикативное, т. е. в лице, напр. *Мальчик читает*, *Я читаю*; 2) управление предикативное, напр. *Он был врачом* или *Он здесь*

---

[1]) В придаточном предложении абсолютного определяемого, собственно говоря, нет, есть подлежащее, но такое, которое зависит от какого-нибудь слова главного предложения. Эту двойственную природу подлежащего придаточного предложения и отражает характер слова „которая“ в фразе *Мы сели на скамью, которая стояла у стены*: независимое в падеже, как подлежащее, оно зависит в роде и числе от „скамьи“.

учителем, Пугачев был росту среднего; Она оказалась больною; 3) примыкание предикативное, напр. *Мы шли разговаривая, Мужичёк был подвыпивши.*

Таким образом, кроме синтаксических формальных значений, есть еще формальные значения **предикативные**: наклонение и время, а у существительного в роли абсолютного определяемого — лицо.

§ 27. Выражение синтагматических отношений

Итак, синтагматические отношения внутри фразы сводятся к следующим типам:

I. Абсолютное определяемое, II. Предикативное определяющее: a) согласованное, b) управляемое, c) примыкающее и III. Непредикативные определяющие: 1) согласуемое, 2) управляемое, 3) примыкающее.

Для выражения этих отношений служат грамматические формы слов, т. е. изменения их формальных значений. При этом слово в роли абсолютного определяемого отбрасывает все свои синтаксические и предикативные формальные значения. Так, напр., глагол в этой роли (*Гулять полезно*) сохраняет только вид и переходность или непереходность, но теряет и наклонение, и время, и лицо, и число. Существительное в той же роли (*Мальчик читает*) теряет свои падежи, т. к. „именительный падеж", строго говоря, есть не падеж, а отсутствие падежа; род, число, одушевлённость (или неодушевлённость) существительного сохраняются, и приобретает оно отношение к лицу, которое и сказывается на предикативном определяющем.

Кроме грамматических форм, помогают установить эти отношения также и служебные слова: личные местоимения, напр. *Я гуляю, Ты гуляешь* (возможно и просто *Гуляю, Гуляешь*) и „связка" *быть*. Если мы сравним *Крепость будет взята, Крепость была взята* и *Крепость взята,* то мы заметим, что эти фразы разнятся между собою только значением времени. В первой предикативные значения наклонения и времени, а также и согласования в лице и числе выражены связкою *будет*, во второй — связкою *была*, а в третьей — сама связка выражена отрицательным путем — фактом её отсутствия (в настоящем времени связка называется только в некоторых фразах книжного языка, напр., *Стереометрия есть отдел геометрии*). Подобный отрицательный способ выражения формальных отношений в русском языке наблюдается довольно часто.

Порядок слов тоже может служить подсобным средством для установления отношений между словами Ср. *Мать любит дочь* и *Дочь любит мать* Но порядок слов в русском языке играет роль только тогда, когда разные грамматические формы совпадают в звуковом отношении (*Мать* это винительный падеж и именительный, также и слово *дочь*), или когда, ставя определяющее на место определяемого, мы тем самым привлекаем к нему главное внимание, напр. *Приехали гости* вместо *Гости приехали* В таких случаях прибегают и к особо-выразительной интонации, ср., напр., *Он вернулся домой утомлённый* и *Утомленный, вернулся он домой.*

§ 28 Предикат.

Предикат есть личное определяющее, т. е. такое, в котором указывается отношение к лицу.

Различаются два рода предиката: а) **глагольный** и b) **аттрибутивный**.

1. Глагольный предикат выражается знаменательным глаголом в личной форме. — Напр. *Дети гуляют, Парус белеет, Приближается зима, Учиться всегда пригодится.*

2. Аттрибутивный предикат выражается любою знаменательною частью речи в соединении со связкою „быть“, которая и обозначает отношение к лицу. — Напр. *Дом был старый. Пашня будет вспахана. Парус бел. Лошадь животное. Он здесь врачом. Гулять было приятно.* — Есть и другие глаголы, которые употребляют по большей части в аттрибутивном предикате, напр., *Он стал стар. Дверь оказалась заперта* и т. д. Подобные глаголы называются аттрибутивными.

В состав глагольного предиката может входить еще инфинитив, напр. *Мы пошли гулять. Я решил провести лето в деревне.* При аттрибутивном предикате также возможно иногда инфинитивное определяющее, напр. *Он был мастер сказки рассказывать.*

Иногда употребляется двойной глагольный предикат, напр. *Он пошел принес книгу. Ты сходишь узнаешь его адрес. Я сейчас сяду буду писать.* В двойном предикате первый глагол теряет отчасти свою знаменательность и становится как бы вспомогательным.

В эмоциональном языке в качестве эквивалента предиката может выступать инфинитив. — Напр. *Пошли мы к нему, а он бежать*, т. е. „а он пустился бежать“.

§ 29. Подлежащее.

Абсолютное определяемое при предикате называется подлежащим (или субъектом). — Подлежащее выражается.

1. Существительным в именительном падеже. — Напр. *Дети гуляют. Парус бел.*

2. Инфинитивом. — Напр. *Гулять было приятно. Учиться всегда пригодится.*

3. Словом это (когда подлежащее недостаточно определённое). — Напр. *Это мой брат.*

При глагольном предикате подлежащее-существительное понимается как автор процесса, т. е. как действующее лицо. Говоря *Парус белеет*, мы как бы считаем, что парус сам производит свой признак, т. е. белизну. — Таким образом, глагольный предикат определяет предмет его деятельностью.

При аттрибутивном предикате подлежащее-существительное понимается как носитель приписываемого ему признака, и предикат определяет предмет, либо просто приписывая ему признак: *Парус бел*, либо относя его к разряду уже известных предметов: *Лошадь—животное. Это—кит.*

§ 30. Устранение подлежащего.

1. Расширенное подлежащее. То, что высказывается предикатом, относится ко всем и к каждому, поэтому подлежащее не может быть названо (так бывает часто в пословицах), напр. *Тише едешь, дальше будешь. С кем поведешься, от того и наберёшься.*

2. Неопределённое подлежащее. Подлежащее опускается, потому что его не желают называть или потому что его трудно назвать, как слишком неопределённое. Напр., *Говорят что ты плохо ведешь себя в классе. Нам сообщают из Японии о страшном землетрясении. Просят не курить.*

3. Страдательное подлежащее. Действующее лицо нужно отодвинуть на задний план; тогда на место подлежащего выдвигают то слово, которое по смыслу должно было бы служить прямым дополнением (объектом) процесса. Получается страдательный оборот, при котором — в противоположность действительному — подлежащее не действует, а подвергается действию. Ср. *Пашня вспахивается* или *вспахана (крестьянами)* и *(крестьяне) вспахивают* или *вспахали пашню.*

4. Безличный оборот. Видимая причина процесса не признается за автора процесса, за деятеля; поэтому подлежащее совершенно устраняется, процесс становится безличным (или бессубъектным), совершается сам собою. — Напр. *По реке несёт лёд* (ср. *Река несёт лед)*, *Солдата ранило пулею* (ср. *Пуля ранила солдата*), *Мне не спится* (ср. *Я не сплю)*, или с инфинитивом, как эквивалентом предиката *Быть бычку на веревочке* вместо *Будет бычок на веревочке.* К безличным же оборотам относятся такие аттрибутивные предикаты с наречием или инфинитивом, как *Было холодно; Жарко; Мне грустно; Мне жаль тебя; Не к кому мне было обратиться;* и „безличные глаголы" *морозит; смеркается* и т. д.

В безличных оборотах предикат указывает на отрицательное лицо, т. е. на отсутствие какого бы то ни было лица.

§ 31. Предложение.

Синтагма, в которой имеется предикат или его инфинитивный эквивалент, называется предложением.

По характеру предиката предложения бывают **глагольные** *(Дети гуляют. Парус белеет. Учиться пригодится. А он бежать)* и **аттрибутивные** *(Парус бел. Я был болен. Учиться трудно. Это мы).*

По отношению к подлежащему предложения разделяются на **личные** *(Дети гуляют. Люблю грозу в начале мая. Тише едешь, дальше будешь. Просят не шуметь. Пашня вспахана),* **безличные** *(Пахнет сеном над лугами. Потянуло сыростью. Мне взгрустнулось. Холодно. Жаль мне тебя. Подморозило. Вечереет. Быть беде)* и **инфинитивные** *(Курить воспрещается. Учиться всегда пригодится. Гулять приятно).*

> Примечание. В безличном предложении предикат занимает место абсолютного определяемого, в связи с чем в его формальных значениях происходит „сдвиг", т. е. ряд изменений. (См. § 43.) — Не смешивать инфинитивные предложения *(Пригодится учиться)* с такими безличными, в которых при предикате есть инфинитивное определяющее *(Хочется спать).*

Предложение играет очень важную роль в нашей речи, особенно в интеллектуальной. В большинстве случаев даже фразы эмоционального языка представляют собою предложения, видоизме-

ненные под влиянием чувства. Ср. *Быть бычку на веревочке* и *Будет бычек на веревочке.*

В одной фразе может быть несколько предложений, напр., *Он сказал* (1), *что завтра уезжает* (2), *если получит отпуск* (3).

§ 32. Несинтагматические отношения в фразе.

Отношения T′ к T не исчерпывают всех отношений, которые мы можем установить между нашими мыслями внутри высказывания. Так, напр., в фразе *Он сказал, что его брат придет ко мне*, часть *его брат придет ко мне* связана с *он сказал,* но не служит к ней определяющим. Ср. также *Он напишет, чтобы уведомить вас о своем отъезде,* где опять-таки первая часть *он напишет* не есть T второй части. В некоторых случаях бывает и так, что определяющее сверх своего обычного отношения к своему определяемому приобретает ещё и какое-то новое, которое отличает его от простого определяющего, ср., напр., роль слова *Утомленный* в *Он вернулся домой утомленный* и в *Утомленный, вернулся он домой.*

Несинтагматические отношения сводятся к трём главным типам. — Части сознаются равноценными, потому что они являются определяемыми при одном общем определяющем, или являются определяющими к одному и тому же определяемому или, наконец, потому, что просто противополагаются одна другой. Части сознаются неравноценными: одна является главной, другая подчинённой. Третий случай это разнородность: в фразу вкраплена, внесена часть, органически с нею не связанная. — Эти три типа несинтагматических отношений называются сочинением, подчинением и внесением. Выражаются они прежде всего интонацией, затем служебными словами — союзами и относительными местоимениями, при этом порядок частей тоже играет важную роль.

§ 33. Сочинение.

В фразе *Коля и Шура гуляют*, у нас два T *(Коля* и *Шура)* при одном общем T′ *(Гуляют)*, поэтому слова *Коля* и *Шура* представляются равноценными; они связаны союзом *и.* Этих равноценных членов может быть несколько: *Коля, Шура, Маша, Ваня и Петя пошли играть*; тогда главную роль будет играть интонация „перечисления". Сочинены также интонацией и союзом *а* обе ча-

сти фразы *Коля играет, а Шура учится,* здесь части противополагаются друг другу, как равноценные. В примере *Построили дом, каменный, в пять этажей, с лифтом и электрическим освещением,* при одном Т *(дом)* имеется четыре Т': *каменный* (согласованное Т') и *в пять этажей, с лифтом, с электрическим освещением* (примыкающие); всё это, стало-быть, равноценные члены, как это и показывает интонация перечисления. Но, напр., в фразе *Дамские золотые часы* сочинения нет: слово *дамские* будет определяющим к синтагме *золотые часы* в целом, а не только к слову *часы*; ту же фразу можно перевернуть так: *золотые дамские часы*, здесь слово *золотые* будет служить Т' к синтагме *дамские часы.*

§ 34. Подчинение.

В фразе *Я не зашел к вам вчера, потому что был занят,* первая половина выражает основную мысль высказывания, вторая же поясняет первую, является подчинённой. Подчинение выражено интонацией и союзом *потому что*, но союз может быть и опущен: *Я не зашел к вам вчера: был болен.* — Пример на подчинение относительное: *Мы направились к скамье, которую увидели впереди.* Здесь, кроме интонации, средством подчинения является относительное местоимение *которую*, и оно самым своим строением показывает, что принадлежит сразу к двум неравноценным частям фразы. Оно согласовано в роде и числе со словом „*скамье*", к которому служит Т', но оно относится как Т управляемое к слову „увидели", и поэтому падеж его зависит от этого слова. В фразе *Он придет, чтобы условиться с вами* — подчиненность второй части по отношению к первой очень слаба, интонации подчинительной нет, союз же *чтобы* можно легко опустить *(Он придет условиться с вами)*, и тогда получится простое примыкание *придет условиться.* Но если бы фраза была *Он напишет, чтобы условиться,* опустить союз было бы невозможно; вещественное значение слова не допускает примыкания.

Отношения условности и уступительности представляют собою разновидность подчинения, т. е. неравноценности частей, и выражаются прежде всего интонацией. Напр., *Буду свободен, непременно побываю у вас (Если буду свободен, то непременно побываю у вас), Будь я даже занят, я найду время навестить вас (Хотя бы я был даже занят, я все-таки найду время навестить вас).*

Подчинительную интонацию придают нередко таким частям

фразы, которые, собственно говоря, не являются подчиненными. Но это позволяет выделить части, как определяющие особо важные, на которые нужно обратить внимание. Получается о б о с о б л е н и е, выражаемое как интонацией, паузой и особым ударением, так и порядком частей. Ср. случаи обособления: *У с т а л ы й, я вернулся домой. П р о в е д я л е т о в д е р е в н е, мы хорошо отдохнули. В ы с т у п а в ш а я в ч е р а в к о н ц е р т е п е в и ц а̂ имела большой успех,* а с другой, необособленные Т': *Я вернулся домой усталый. Певица, выступавшая вчера в концерте, имела большой успех* (но и при таком порядке частей возможно обособление: *Певица̂ выступавшая вчера в концерте̂ имела большой успех*; при этом интонация перед второй паузой повышается) и *Мы хорошо отдохнули, проведя лето в деревне.*

§ 35. В н е с е н и е.

Вносимыми или вводными являются в нашей речи слова и выражения, представляющие мнение лица говорящего, его оговорку, напр., *конечно, может быть, правда, несомненно, само собой, само собою разумеется* и т. д., а при передаче чужой речи — частицы *мол, дескать, говорит (грит)* и т. п. Тургеневская фраза („Затишье", IV): *Приехавши домой, Веретьев не раздевался, и часа два спустя, заря только что начинала заниматься в небе, его уже не было дома* дает нам пример литературно-эстетического использования вносной интонации. Часть *заря только что начинала заниматься в небе* является вносной, т. е. как бы посторонним элементом, вставленным в органическое целое фразы; это и выражается ее однотонной пониженной интонацией и паузами по краям, выделяющими ее из всей фразы.

В народном языке, чрезвычайно богатом всевозможными интонациями, но избегающем подчинения и заменяющем его сочинением, параллелизмом, вносная интонация нередко используется там, где мы ожидали бы подчинения, напр., *Стоит изба, плетнем огорожена.* Здесь синтагма *плетнем огорожена* представляет нечто среднее между предложением и литературным оборотом *огороженная плетнем*; в своем отношении к *стоит изба* она получает известную независимость, благодаря своей вносной интонации и паузе. (Это так наз. случай п а р а т а̀ к с и с а.)

Глава III.

Строение слова.

§ 36. Разряды слов.

Слова разнятся между собою по значениям, которые в них заключены, т. е. по формальным значениям, по добавочным семантическим или по основным семантическим.

По своим формальным значениям слова распадаются на четыре разряда, называемые *частями речи*. Из них главные — существительные и глаголы, второстепенные — прилагательные и наречия.

По добавочным вещественным значениям слова распадаются на *семантические классы*. Напр., „название деятеля“: *учитель, покупатель, грабитель, житель;* „название места действия“: *училище, стрельбище, становище, кладбище* или *умывалка, читалка, раздевалка;* „название орудия“: *веялка, сеялка, косилка* или *зубило, опахало, жало;* „название качества по прилагательному“: *белизна, желтизна, правизна, левизна* или *ловкость, страстность, опасность*; „название лица по признаку“: *жилец, продавец, вдовец* или *начальник, мешочник, ябедник* или *слухач, рвач, копач* и т. д. Семантических классов очень много. Одни из них продуктивны, т. е. создаются новые слова того же класса (очень продуктивен тип „умывалка“, мало продуктивны типы „слухач“ и „зубило“), другие непродуктивны (напр. типы „утюг“, „правда“, „печь“ и т. д.). Непродуктивный тип теряет свою синтагматическую структуру (или, как говорят в науке, лексикализуется) и превращается в основное, неразложимое слово.

По своим основным семантическим значениям слова образуют *се́мьи*. Пример семьи́: *учить* > *учитель, ученик, училище, учебник, учеба* и т. д.

Наконец, каждое слово по своему общему смыслу, независимо от частных значений, принадлежит к какому-нибудь синоними-

ческому ряду, напр., *учитель, педагог, наставник, воспитатель, преподаватель* или *храбрый, бесстрашный, отважный, доблестный, отчаянный, бесшабашный, сорви-голова* и т. д.

§ 37. Существительные.

Существительные это слова с основными, т. е. несинтаксическими формальными значениями *числа* и *рода*. Напр. *мальчик, девочка, дитя; Петр, Анна, Гнедко; дом, река, окно; объем, белизна, восхождение; щипцы, сани, чернила, я, ты, он, она, оно, они; ахи, охи; пальто, резюмэ, какао, кенгуру, колибри* и т. д.

Существительные могут употребляться, как абсолютное определяемое (слово „мальчик" в фразе: *Мальчик читает книгу*) и как управляемое определяющее (слово „книгу" в той же фразе). В последнем случае существительное приобретает синтаксические формальные значения *падежей*. — Существительные счетные не имеют форм значений рода и числа (они сами, своим семантическим значением указывают число), но имеют значения падежей, напр. *я встретился с двумя товарищами*.

Мы уже говорили, что, с научной точки зрения, так наз. „именительный падеж" (т. е. существительное в роли абсолютного определяемого) есть не падеж, а как раз отсутствие падежа, или „отрицательный", „нулевой" падеж.

По своим основным семантическим значениям существительные сводятся к двум группам: название того, что мы представляем себе одушевлённым, или название того, что мы представляем себе неодушевлённым, а так представлять себе мы можем только то, что мыслим как предмет, хотя бы это было и отвлечённое понятие. Стоит только при помощи определенных суффиксов придать любому вещественному значению формальные значения числа, рода и падежей, как мы начинаем подобное понятие мыслить как предмет, т. е. как существительное. Так, напр., из *белый* образуем *белизна*, из *рано* > *рань*, из *гулять* > *гуляние* или *гульба*, из *ах! ох!* > *ахи, охи* и т. д. С другой стороны, слова вроде *колибри* или *кенгуру* мыслятся нами как существительные, потому что обозначают предмет, и хотя слова эти (как иностранные) и не имеют суффиксов и флексий, следовательно не склоняются, не изменяются по числам, не выражают рода, тем не менее, в фразе мы наделяем их формальными значениями существительных. Напр. *Охотники убили большого кенгуру; дайте*

мне черного кофе. Поскольку иностранные слова получают широкое распространение, в народных массах их стремятся превратить в склоняемые, напр. *кофий, кофия* или *кофей, кофея* и т. д.

§ 38. Глаголы.

К глаголам относятся слова с основным формальным значением *вида*; напр. *решить* (сов. вид), *решать* (несов. в.) или *толкать* (несов. в) *толкнуть* (сов. в.); *атаковать* (может обозначать и тот и другой вид).

Главная роль глагола это предикативное определяющее (слово „работают" в фразе *Крестьяне работают в поле*). В этой роли глагол получает формальные значения *наклонения* и *времени*, не синтаксические, но зависящие от лица говорящего, а также синтаксическое значение *лица.*

Глаголы характеризуют свое определяемое (субъект) как деятеля, и по своим семантическим значениям сводятся к двум группам: название такого признака, который мы представляем себе переходным, т. е. влияющим на другой предмет (объект), или же название признака, который непереходен, т. е. не влияет на другой предмет. Напр. *Охотник убил медведя, Коля читает стенгазету, Сестра купает братишку,* а с другой стороны: *Охотник идет по лесу, Коля читает, Сестра купается.* Кроме того, подобный признак представляется нам или в своем окончательном результате (*Он решил задачу*) или независимо от результата (*Он решал задачу*). Так представлять себе можно только процесс, и глаголы обозначают различные процессы: действие (*Он гуляет*), состояние (*Он болеет*) или становление (*Он седеет*)

§ 39. Прилагательные.

Сюда принадлежат слова с синтаксическими формальными значениями числа, рода и падежа. Назначение прилагательных это служить согласуемым определяющим к существительным. Напр. *Соседская девочка читает интересную книгу.*

По своим основным семантическим значениям прилагательные распадаются на две группы: то, что мы представляем себе качественным признаком предмета (*интересная книга*), или то, что мы представляем себе как относительный признак, т. е. определение предмета по отношению к чему-то, вне его находя-

щемуся, напр. *соседская девочка*, т. е. девочка соседей; *вечерняя газета*, т. е. газета, выходящая вечером. Относительные прилагательные являются производными словами, напр. *соседский* = относящийся (Т) к соседу (Т'). Качественный признак это такой, которого может быть у предмета и больше и меньше, напр. *хороший чай, лучший чай, худший чай;* поэтому качественные прилагательные имеют степени сравнения.

§ 40. Наречия.

Наречия служат примыкающим определяющим к глаголам (*Эта книга стоит дорого*), реже к прилагательным и наречиям же и тогда имеют обыкновенно усилительный характер (*необыкновенно красивый, темно-синий. Эта книга стоит довольно дорого*). Среди знаменательных слов наречия распознаются отрицательным путём, т. е. именно по отсутствию у них формальных значений, свойственных другим частям речи (числа, рода, падежа, лица и т. д.).

Непроизводных наречий очень мало. В производных наречиях добавочные семантические значения сводятся к представлению об обстоятельственном признаке, т. е. характеризующем проявление другого признака. Основное же значение указывает, о каком обстоятельстве идёт речь, и сводится к рубрикам: образ действия (манера), время, место, мера, причина, цель. Наречия образа действия, производные от прилагательных, сохраняют качественный (*хорошо*) или относительный (*по-нашему*) характер.

§ 41. Неполнозначные слова.

В некоторых словах вещественное значение настолько обще, отвлечённо, что грань между его семантической и формальной стороной проходит не там, где у обычных слов. Таковы местоимения и счётные существительные (числительные)

Напр. в личных местоимениях *я, ты, мы, вы, они* есть только значения лица, числа и падежа, к которым в местоимениях *он, она, оно* присоединяется ещё значение рода. В этих словах роль семантического значения выполняет значение лица. В местоимённом глаголе *быть* семантическим служит значение непереходности, а вида вовсе нет. Неполнозначными же являются и местоимения *весь, тот, этот, сам, чей, кто, что, куда, там, всегда* и т. д.

В каждой части речи есть местоимённые слова. Ввиду своих внутренних особенностей слова эти и склоняются и спрягаются (связка *быть*) не так, как полнозначные слова. Но между полнозначными и неполнозначными словами нет перерыва: такие слова, как *всякий* и *каждый* (рядом с *весь*), *самый* (рядом с *сам*), *такой, этакий* (рядом с *тот, этот*) и т. д, очень общие по семантическому значению, но в то же время нормальные по своей внутренней структуре и по склонению, образуют переход от полнозначных слов к местоимениям.

В существительных счётных вещественным является значение числа, а формальным — значения падежа (рода у них нет), напр. *три, пять, сорок, сто* и т. д. Поэтому слова *тысяча, миллион, биллион* и т. д., имеющие и формальное и семантические значения числа (*тысячи, миллиарды*), а также и род (*одна тысяча*) являются обычными полнозначными существительными. Слово *один, одна, одно, одни* (ср. *весь, вся, всё, все*) занимает среднее положение между числительными и местоимениями; в фразе *Одна голова не бедна, а и бедна, так одна,* слово „одна" служит числительным, а напр. в фразе *Мне нужно поговорить с вами об одном деле,* слово „одном" является местоимением, потому что здесь важно не то, что это одно дело, а не два и не три дела, а то, что это *некоторое* дело, неопределённое (ср. в иностранных языках неопределенный член: *une* affaire, *eine* Sache).

Счётные существительные незаметно переходят в полнозначные слова, напр. *пять* (числительное), *пятеро* (собирательное для одушевлённых), *пяток* (собир. для неодушевлённых), *пятерня* (собир. для тех и других, так можно сказать про пятерых детей в семье и про пять пальцев на руке); наконец, *пятерик, пятачок, пятерка* обычные производные слова; *оба, обе* того же типа как *пятерня.* Как и местоимения, и по тем же причинам, склонение числительных представляет много особенностей.

§ 42. Роль частей речи в фразе.

Каждое понятие может быть и определяемым и определяющим, простым или предикативным, согласованным или управляемым или примыкающим. Напр. *Белое ей всегда шло; Её платье белое; Она была в белом платье; К белому такая лента не пойдёт; Железо раскалили до-бела.* Но в языке понятия заключены в слова, а каждое слово принадлежит к какой-нибудь части речи, стало-быть, имеет определённые формальные значения и тем самым

предназначено к определённой роли в фразе. Так напр глагол не может быть управляемым определяющим, так как у него нет падежей.

Закреплённые за каждой частью речи роли имеют особые названия. Свойственная существительному роль управляемого определяющего называется дополнением; напр. *парус лодки, достойный похвалы, вблизи реки.* Особо важным является прямое дополнение, т. е. в винительн. падеже без предлога, которое бывает только при переходных глаголах, напр. *дети читают стенгазету* — Но за существительным закреплена также роль определяющего, согласуемого в падеже (а иногда и в числе), называемая приложением, напр. *Мы ехали на пароходе „Волге“.* В последнем случае бывает и так, что определяющее имя собственное остается неизменяемым (т. е. стоит в имен. падеже), напр. *Мы ехали на пароходе „Волга“, Прочтите роман „Война и Мир“*; хотя здесь согласования никакого и нет, но такое определяющее все-таки называется приложением.

Обычная роль прилагательного, — согласуемое определяющее,— называется определением; напр. *Соседская девочка вяжет шерстяной чулок.*

Наречию свойственна роль примыкающего определяющего, называемая обстоятельством, напр. *Хорошо ли ты сделал свою работу? Вчера мы были на экскурсии.*

Мы знаем (см. § 28), что любая часть речи может быть предикатом и что если у нее нет формальных значений наклонения, времени и синтаксического лица, то связка „быть“ или какой-нибудь малознаменательный глагол принимает на себя выражение отношения к лицу говорящему. Но лучше всего к этой роли приспособлен глагол.

Подлежащим может быть любое понятие (*Громкое „ура“ прокатилось по равнине*), но лучше всего приспособлено к этой роли существительное в именительном падеже, как независимой форме.

§ 43. Переход на другую роль.

Глагол имеет особые формы для разных ролей. Прежде всего он может быть согласуемым предикатом, напр. *Я учусь музыке и стенографии,* — личные формы; затем он может быть непредикативным согласуемым определяющим (т. е. определением), напр. *Гулявшие в лесу дети попали под дождь,* — причастие; может быть примыкающим определяющим (т. е. обстоятель-

ством), напр. *Гуляя, дети попали под дождь*, — деепричастие; в роли подлежащего глагол принимает форму инфинитива, напр. *Гулять полезно*, но та же форма инфинитива служит и для некоторых случаев примыкания необстоятельственного, напр. *Он пошел гулять; Катя мастерица вышивать.*

Но другие части речи не имеют особых форм для разных ролей. В таком случае можно образовывать производные слова, принадлежащие как раз к той части речи, которой свойственна та роль, которая нам нужна. Так, если, напр., нам нужно понятие белого цвета употребить как абсолютное определяемое, то мы можем от соответствующего этому понятию слова *белый* образовать существительное *белизна*. Но такой способ не всегда возможен.

Образуя новое слово, мы создаем добавочное семантическое значение, свойственное такому-то классу, и это значение может оказаться для нашей цели ненужным или даже вредным. Так напр. от *белый* мы можем образовать слово с отвлечённым значением — *белизна*, но от *зеленый, красный, черный* образовать столь же отвлеченных слов нельзя: *зелень, краснота, краснуха, чернота, чернь* (на стали; чернёная сталь) — все это конкретные значения. Поэтому, чтобы избежать искажения нашей мысли, но в то же время выразить новую роль понятия, о котором идет речь, мы прибегаем к сдвигу формальных значений соответствующего слова, т. е. употребляем их в переносном значении; напр. *Я не люблю черное*, где прилагательное „чёрное“ употреблено в роли существительного.

§ 44. Сдвиг формальных значений.

Сдвиг формальных значений, это такая же транспозиция, перенос значения, какую мы уже видели (§ 16) по поводу фразы *Мост стоит на быках*, но только здесь транспозиция не семантическая, а грамматическая.

Приложение есть тоже случай сдвига формальных значений. В фразе *Людоед бежит в сапогах-скороходах* слово „скороходах“ употреблено в несвойственной ему роли определения (т. е. согласуемого определяющего); в нем происходит сдвиг: его падеж из управляемого становится согласуемым, да и число также из несинтаксического становится синтаксическим. Если мы всё же продолжаем считать „скороходы“ существительным, а не прилагательным, то это потому, что у него нет синтаксического значения рода.

В фразе *Мы повстречали знакомого беспризорного,* последнее слово употреблено в качестве дополнения (т. е. управляемого определяющего). Опять случай сдвига: падеж слова „беспризорный" стал управляемым, а число и род несинтаксическими. Прилагательное целиком перешло на роль существительного и даже имеет свое согласуемое определяющее „знакомого".

Говоря *Тройка стрелой несётся*, мы употребляем слово „стрела" в несвойственной существительному роли обстоятельства (т. е. примыкающего определяющего). Происходит сдвиг в сторону наречия: формальные значения числа, рода, особенно же падежа бледнеют и утрачиваются (ср. напротив *Птицу ранили стрелой*).

Глагол *выиграть* переходный, т. е. после него нужно прямое дополнение *Я выиграл..* (что?). Но мы можем сказать *Вчера мне повезло*: *я выиграл,* употребляя этот глагол непереходно. Для этого нам приходится сосредоточить всё наше внимание на самом процессе, безотносительно к его объекту (предметному результату). В безличных предложениях, вроде *Солнцем выжгло траву* или *Мне не работается,* также происходит сдвиг: предикату приходится занять место абсолютного определяемого, при этом форма 3-го лица ед. ч. перестает служить для согласования, становится несинтаксической, но указывает именно на отсутствие лица.

Когда на работе кричат *Взяли! взяли! Пошла!* или кучеру говорят *Пошел!* — все это сдвиги. Форма прошедшего времени употребляется в роли повелительной фразы, для которой у глагола уже существует повелит. наклонение. Сдвиг или транспозиция заключается в том, что результат, который мы ещё только хотим получить, мы, в целях ободрения, представляем себе уже достигнутым, реализованным, таким, каким он дан в прош. времени глаголов соверш. вида (*Они взяли. Он пошёл*).

§ 45. Скрытая синтагма.

В практической речи мы постоянно изменяем, так сказать „сдвигаем" смысл слов, как в их семантическом значении, так и в значении грамматическом. Когда мы просим *стакан чаю* мы придаём слову „стакан" иной смысл, чем в *Я разбил стакан*; а на войне „стаканом" называлась обойма от снаряда. В фразе *Дайте мне капельку молока*, слово „капелька" означает „совсем немного" (говорящий из вежливости преуменьшает, чтобы просьба его не казалась обременительной), а вовсе не значит „маленькая

капля". Подобные переносы значений (по-научному, транспозиции) совершаются постоянно, и мы даже их и не замечаем.

Внимательный анализ обнаруживает в транспонированном слове одновременно два значения: одно—постоянное, обычное, другое—вытекающее из данного контекста, данной обстановки. Когда мы слышим, что *Мост стоит на быках*, мы сознаем обычный смысл слова „бык", но контекст подсказывает нам, что в данном случае речь идет не о животных, а об устоях моста.

Таким образом, самое значение слова „бык" здесь служит T' к неназванному T, которое подсказывается контекстом.

Такую же *скрытую* синтагму мы обнаружим и при грамматической транспозиции В фразе *Сытый голодного не разумеет*, мы сознаём слова „сытый" и „голодный" как прилагательные, но мы сознаём также благодаря контексту, что они употреблены как подлежащее и дополнение, т. е. как существительные. Стало-быть, мы ощущаем присутствие у них T, в виде не названного, но смутно сознаваемого существительного, — отсюда и род этих слов. Ср. *Сытый* (человек) *голодного* (человека) *не разумеет*; (всё) *белое к ней идет, но она не любит* (ничего, всего) *черного*; или *Грянем, что ли, удалую* (песню) *на помин её души*.

§ 46. Омо́нимы.

Чем чаще какое-нибудь слово употребляется в одном и том же переносном значении, тем менее сознается первое, постоянное значение; новое значение само становится „прямым". Скрытая синтагма исчезает; мысль прямо связывается со словом (в новом значении) и не нуждается в старом значении в роли T'. Транспонированное слово „лексикализуется", и в результате, вместо одного и того же слова, употребляемого то в прямом, то в переносном смысле, получается два слова, различных по смыслу и независимых друг от друга, но совпадающих по внешнему виду, — так называемые омо́нимы.

Таковы напр. *ключ* (от замка), *ключ* (источник), *ключ* (в музыке). Но, напр., *ключ* в смысле подстрочник сохраняет свою связь со словом *ключ* (от замка), так как подстрочник „открывает" смысл иностранного текста; здесь ещё чувствуется транспозиция: некоторый предмет (подстрочник) определяется через *ключ* как его T'.

В фразах *Варя служит в колбасной; Часовой ходит у стены; Наша квартира маленькая: у нас нет ни гостиной,*

ни ванной, нет даже столовой; Бабочки и жуки принадлежат к насекомым; Здешние мастерские сегодня закрыты, подчеркнутые слова совпадают по формам падежей с прилагательными. Однако, всё это настоящие существительные, и при них не мыслится никакого Т (существительного), к которому они относились бы как согласованные определяющие. Но, напр., в сочетаниях *столовая лампа, часовая стрелка, колбасный магазин, мастерская работа* мы имеем подлинные, не транспонированные прилагательные. Существуют, стало-быть, омонимы: *столовая* (существительное) и *столовый, — ая-ое* (прилагательное) и т. д.

§ 47. Строение слова: форманты.

С внешней стороны, слово распадается на составные элементы, носители заключённых в слове значений. Носители семантических значений называются формантами, носители значений формальных называются морфемами. Как те, так и другие выделяются из слова в результате ассоциаций, т. е. сближений данного слова с другими словами той же семьи и с разными формами того же слова.

Сопоставлением слов одной семьи намечается в слове корень, т. е. носитель семантического значения общего всем членам семьи. Так, напр. в семье *учить > учитель, ученик, училище, учебник, учёба, ученье,* есть общая идея „учения", но чтобы выделить её носителя в каждом слове, т. е. корень, необходимо одновременно установить и носителя добавочного, „классного", семантического значения, а для этого нужно данное производное слово сопоставить, с одной стороны, с его основным словом, а с другой — со словами его же класса. Напр.:

учитель < учить

житель, носитель, владетель, покупатель и т. д.

В результате, слово *учитель* распадается на две форманты: *учи-* и *-тель.* Первая из них — носитель основного семантического значения, т. е. корень; вторая — носитель „классного" семантического значения, идеи „агента", „деятеля".

Форманта, находящаяся после корня, называется суффиксальной; форманта, находящаяся перед корнем, называется префиксальной. В одном и том же производном слове могут быть и та и другая одновременно. Примеры: медвеж-*онок*, *про*играть, *под*-вод-*ный*, *при*-город, город-*ишка*, чернильница, хорош-*о*. Одна и та же форманта может распадаться на

несколько префиксов (*по-при-за-*д у м а т ь с я) или суффиксов (в о д-*ян-ист-ый*).

В некоторых случаях суффиксальная форманта выражается отрицательным путем; напр. *топь,* т. е. топкое место (*топить*; *жуть, глушь* и т. д.).

В с о с т а в н ы х словах заключается два корня, которые по большей части соединены особой внутренней формантой — и н ф и к с о м, напр. в о д-*о*-в о з, з е м л-*е*-д е л е ц.

Основное слово на форманты не распадается, оно само (за вычетом морфемы) является формантой корневой.

§ 48. П р о д у к т и в н ы е ф о р м а н т ы.

Форманты являются только элементами слова и самостоятельного, вне слова, существования не имеют. Выделяются они в нашем сознании, как мы это только-что видели, в силу ассоциаций между словами (производное слово должно и походить, и отличаться одновремённо как в сравнении со своим основным словом, так и в сравнении со словами своего класса).

Особо важная роль принадлежит классным формантам. Некоторые из них легко, сразу, выделяются из слова: т о л к-*нуть*, п а л ь-*нуть,* ш а г-*нуть*... р а з г о в а р-*и в а т ь,* п о д т а л к-*ивать,* в ы и г р-*ывать*.; к а м е н-*истый*, в о д я н-*истый*..., л е с-*истый*...; м е ш о ч-*ник,* я б е д-*ник*...; в е с е л-*о*, х о р о ш-*о,* с в е т л-*о,* и т. д. и т. д. Это значит, что соответствующие классы заключают много слов и что классное семантическое значение нами ясно сознаётся. Такими формантами мы пользуемся, когда нам нужно образовать новое слово. Это п р о д у к т и в н ы е или живые форманты. Так, напр., при помощи суффикса *-ние* (*-нье*) мы почти всегда можем образовать отвлечённое существительное от глагола: *выигрывать* > *выигрывание, мешочничать* > *мешочничание*; при помощи суффикса *-ость* можем образовать отвлечённое существительное от прилагательного: *ловкий* > *ловкость, уличный* > *уличность, ударный* > *ударность;* при помощи суффикса *-алка* можем образовать от глагола существительное, обозначающее место действия или орудие (с несколько вульгарным оттенком): *умываться* > *умывалка, читать* > *читалка, зажигать* > *зажигалка* и т. д. и т. д.

Но если данный класс слов не служит больше образцом для образования новых слов, его классное семантическое значение тускнеет в нашем сознании, слова „лексикализуются“, т. е. пере-

стают обнаруживать свою синтагматическую структуру, и форманты перестают в них выделяться. Так, напр., в словах *утюг, сычуг, балчуг,* если и есть внешний, звуковой общий элемент — *уг* (*-юг*), все же ничего общего между этими словами мы не сознаём, и формант в них не находим. Это слова непродуктивного типа. Слова *вода, гора, рука* и т. д., хотя их и очень много, также непродуктивного типа: общий элемент *-а* в них служит морфемой (носитель значений именит. падежа, единств. числа, женского рода). В словах *кричать, мурлыкать, шипеть, свистеть, гудеть* есть общее значение: всё это обозначения слуховых впечатлений, но общего внешнего выражения нет. Если даже мы будем сближать, с одной стороны, *мурлыкать, кудахтать, клекать,* с другой — *кричать, пищать, жужжать,* затем *шипеть, свистеть, свиристеть,* то опять-таки мы не увидим, чем же эти типы внутренне отличаются друг от друга. Кроме того, в каждом из этих типов есть глаголы и не обозначающие вовсе слуховых впечатлений, напр. *плясать, пахать, мазать...; лежать, спать, торчать...; висеть, видеть* и т. д. Стало-быть, все это типы непродуктивные.

Следовательно какой-нибудь элемент слова осознаётся нами как форманта, т. е. носитель семантического значения, только тогда, когда мы усматриваем в целом ряде слов и сходство значения и сходство звуковое.

§ 49. Строение слова: морфемы.

Носитель формальных значений в слове называется морфемой.

Морфема выделяется в нашем сознании в силу грамматических ассоциаций между формами слов. Так, напр., в слове *вода* выделяется морфема, потому что у других слов женского рода в именит. падеже единств. числа мы встречаем тот же звук, на том же месте, причем в других падежах подобных слов звук этот сменяется иными, но строго определёнными звуками.

вод-*а*, вод-*ы*, вод-*е*, вод-*у*....
гор-*а*, гор-*ы*, гор-*е*, гор-*у*....
жен-*а*, жен-*ы*, жен-*е*, жен-*у*....

Сам по себе, вне слова, звук „а“ никакой значимости не имеет. Звук или звукосочетание становится морфемой с того момента, как в ряду ассоциирующихся грамматических форм слова он на-

чинает служить для того, чтобы отличать данную форму от других форм, иначе говоря, данную роль слова в фразе от его других ролей.

Морфема имеет, стало-быть, различительную или, как говорят в науке, дифференциальную значимость. Поэтому один и тот же звук, напр. „а", может служить морфемою с различным значением в разных грамматических рядах. — Напр. *вод*-**а**, *вод*-ы, *вод*-е...; *стол*, *стол*-**а**, *стол*-у...; *окн*-о, *окн*-**а**...; *о́кн*-**а**, *окон* и т. д.; кроме того, в ряду служебных слов, служащих для сочинения, мы встречаем противительный союз „*а*", в эмоциональном языке находим восклицание *а*, произносимое с различной интонацией, наконец, *а*? есть эквивалент вопросительной фразы (см. § 18).

Обычный вид морфемы это окончание или флексия слова. Все синтаксические формальные значения выражаются окончаниями, напр. бел-*ый*, бел-*ая*, бел-*ое*; вод-*а*, вод-*ы*, вод-*е*...; чит-*аю*, чит-*аешь*, чит-*ает*; чит-*ать*, чит-*ая*, прочит-*ав*; хорош-*о* (в последнем случае форманта служит вместе с тем и морфемой). Но служить морфемой (особенно добавочной, когда одного окончания не достаточно) может и ударение (ср. *узна́ю* — будущее вр. и *узна́ю'* — наст. вр.), и вставная гласная (напр. *потолок* и *потолки*), и отсутствие флексии в ряду форм, имеющих флексии (напр. *воды, вод, водам* и т. д.). Вообще, может служить морфемой всё, чем в звуковом отношении слово в одной роли отличается от этого же или подобного слова в другой роли.

Поэтому язык наделяет формальными значениями и форманты, стремясь превратить их в морфемы. Так, напр., различение глагольных видов опирается на чередование суффиксов и префиксов в отглагольных глаголах: *играть* (несов. вид) > вы-*играть* (сов. в.) > *выигр*-ыв-*ать* (несов. в.) > на-*выигрывать* (сов. в.). Грамматика ведёт наступление на семантику и стремится обращать форманты в морфемы, т. е. в носителей формальных значений. Так, напр., в *написать* элемент *на* означает совершенный вид и почти не вносит добавочного семантического значения (ср. *писать* и *написать*), также в *с-делать*, *по-целовать*, *у-тонуть* и т. д. В словах *выигр-ыв-ать*, *подталк-ив-ать* и т. п. элемент *-ыв-ив* совсем не имеет семантического значения, это просто морфема несоверш. вида. Частицы *бы* (в *я погулял бы*) и *ся* (в *бросаться*) имеют только формальное значение, первая — сослагательного наклонения, вторая — возвратности.

В результате „грамматикализации" формант синтагматическая структура слова исчезает, оно лексикализуется, т. е. превращается

в основное слово, отличающееся от своего прежнего основного слова как иная грамматическая форма. Но всякое слово (об исключениях см. § 51) распадается в каждой своей форме на морфему и т е м у, напр. *вод-а*, *учитель* (с отрицат. морфемой), *учительниц-у*, *игра-ю*, и т. д.

Все составные элементы, на которые распадается слово, т. е. префиксы, суффиксы, инфиксы, корни, флексии, независимо от того, являются ли они семантическими или грамматическими, называются м о р ф о л о г и ч е с к и м и э л е м е н т а м и слова.

§ 50. М о р ф о л о г и я.

Как мы только что видели, морфема имеет дифференциальную, т. е. различительную значимость, и позволяет отличать одну форму от другой только в одном определённом ряду ассоциирующихся форм. Так, напр., в ряду *стол*, *стола*, *столу*..., морфема „у" выделяет дательн. падеж; в ряду *вода*, *воды*, *воде*, *воду*... морфема „у" выделяет винит. падеж; наконец, в ряду *несу*, *несёшь несет*... морфема „у" выделяет 1-е лицо ед. числа и т. д. Все это разные морфемы, но совпадающие в звуковом отношении. Такими ассоциирующимися грамматическими рядами являются прежде всего склонения и спряжения.

Формальных значений в слове всегда несколько, так в *столу* мы находим дательн. падеж, единств. число, женский род. Необходимо было бы три морфемы, по одной на каждое из этих значений; на деле же, морфема одна, и сразу выражает и падеж, и число, и род слова. Такая многозначность морфемы возможна только в силу ее того же дифференциального характера. В ряду падежей слова *стол*, морфема „у" отличает дательный падеж единств. числа, потому что дат. падеж множ. числа имеет другую морфему (*стол-ам*). В то же время она отличает склонение слова *стол*, как „мужское" склонение, так как у существительных женского рода в том же падеже морфема иная: *воде*. Правда, у существительных среднего рода морфема дат. падежа ед. числа совпадает с мужским родом: *окну*, *столу*. Но именит. падеж у них будет разный: *окно*, *стол*, *вода*, а падежи каждого слова связаны в нашем сознании в одну ассоциацию.

Путем таких сложных сопоставлений мы различаем формальные значения. Система подобных сопоставлений, или ассоциаций по сходству и по контрасту, естественно возникающих в нашем сознании, образует м о р ф о л о г и ч е с к у ю с и с т е м у языка.

Итак, одно и то же форм. значение, напр. дат. пад. ед. числа, может иметь разные морфемы в разных рядах (*столу, воде*), и с другой стороны, одна и та же, в звуковом отношении, морфема будет выражать различные форм. значения в разных рядах (*столу, воду, несу*). Различение некоторых рядов поддерживается в языке, является „живым", „продуктивным". Напр. язык поддерживает в мужском роде различение именит. падежа множ. числа типов *столы, паруса, дела*, но не поддерживает множ. число типа *колья, волосья*. Таким образом, морфемы именит. падежа множ. числа существительных мужского рода *-ы* и *-а́* являются продуктивными, морфема же *-ья* — непродуктивна, и вновь возникающие слова так склоняться не будут. Не будут также спрягаться новые глаголы по типу *печь* или *итти*, — это непродуктивные типы морфем.

§ 51. Бесформенные слова.

Слова, которые не распадаются на тему и морфему, т. е. такие, в которых нет формального элемента, указывающего на их синтаксическую роль, являются словами без формы или, просто, бесформенными.

Сюда, прежде всего, принадлежат незнаменательные или неполные слова, т. е. предлоги, союзы и частицы. Бесформенными же является небольшое количество непроизводных наречий, главным образом, местоимённых, напр. *здесь, где, куда, сюда, когда, искони* и т. д. Бесформенны некоторые фамилии, несклоняемые: *Дурново́, Хитрово́, Жива́го, Мертва́го, Петровых, Черемных* и т. д. и, наконец, иностранные несклоняемые слова: *какао, резюмэ, бюро, жюри* и т. п.

Знаменательные слова иногда переходят на роль предлогов, союзов, частиц и тогда сами становятся бесформенными, так как теряют синтаксические формальные значения. Например: *Он шёл по улице, не смотря под ноги, и упал в канаву,* ср. *Он нездоров, но несмотря на это, продолжает ходить в школу. Пойдёмте кругом, здесь грязно,* ср. *Мы пошли кругом болота. Он ушёл, благодаря нас за услугу,* ср. *Он устроился благодаря нам. Угодно вам эту книгу?,* ср. *Я возьму какую-угодно работу.*

§ 52. Междометия.

Эмоциональная речь (см. § 11) отправляется от речи интеллектуальной и путем интонаций и пауз разрушает её, разрывая фразу; слова теряют свои формальные значения, так как синтагматическая

связь слов слабеет и даже совсем исчезает. Тем самым слова превращаются в восклицания, выражающие сильные чувства, но лишенные настоящего смысла.

Подобные „слова" эмоционального языка называются м е ж д о м е т и я м и, напр. *ах! ой! эй!* и т. д.; сюда же относятся различные звукоподражания: *жж..., ку-ку-ре-ку, тьфу!*. звуковые сигналы, вроде *шш...* и т. д. Все это, конечно, бесформенные слова.

Слова знаменательные, переходя на роль междометий, теряют своё внутреннее строение, напр., *Не посмотрев в святцы, бух в колокол*.

§ 53. Л е к с и к а л и з а ц и я.

Лексикализация, о которой мы несколько раз уже упоминали, это потеря словом или даже целым выражением сперва своей семантической (т. е. синтагматической), а в дальнейшем и грамматической (т. е. морфологической) структуры, и превращение в единое неразложимое целое.

Каждое слово или выражение стремится в идеале к тому, чтобы стать простой „этикеткой" (см. § 10), прямо обозначающей понятие, без субъективного описания: когда мы говорим *подсолнечник*, мы совсем не думаем о том, что цветок этот повёртывается „под солнцем". Вследствие этого синтагматическое строение слов постепенно затемняется. Говоря *мыло*, мы не думаем о том, что это „то, чем моют", и связь этого слова с *зубило, опахало* и т. д. не сознается. В глаголах *отнять, принять, снять* и т. д. мы ощущаем префикс, но выделить корень уже не можем, так как нет простого основного глагола, от которого они производились бы. В *гуснуть* мы почти не сознаем связи с *густой;* в *правда* и *кривда* не сознаем элемент *-да*, как форманту. Все эти слова, одни в большей степени, другие в меньшей, лексикализовались, т. е. перестали быть синтагмами, производными словами.

Внешние синтагмы также могут лексикализоваться. В выражениях „*шут гороховый, гусь лапчатый*" прилагательное нельзя ни отнять, ни заменить другим: оба слова образуют единый смысл. В подобном же положении находятся выражения: „*дать маху, спустя рукава, через пень колоду, кто во что горазд, перекати-поле*" и т. д. и особенно собственные имена *Белый Дом* (в Вашингтоне), *Зимний Дворец, Красное Село* и т. д. и т. д. Под влиянием сильного чувства могут лексикализоваться даже небольшие фразы, напр. *Спасайся, кто может!*

Выше мы видели, как при переходе на роль служебных слов, а также в эмоциональной речи слова теряют и свою грамматическую структуру и превращаются в неразложимое целое.

Сюда же относится потеря словами экспрессивности, когда аффективные слова становятся простыми интеллектуальными словами. Аффективность слова покоится на его противоположении обычным и, стало быть, часто употребляемым словам. Поэтому, чем чаще аффективное слово употребляется, тем более обычным оно становится и перестает производить на нас впечатление. Нам кажется смешным, когда говорят в восхищении *чудная музыка, чудный человек* и т. п.: слово *чудный* „выдохлось“ и уже не действует на нас. Точно так же и „оценочные“ слова, т. е. уменьшительные, увеличительные, ласкательные и презрительные теряют значение оценки и превращаются в обычные.

Глава IV.

Существительные.

§ 54. Определение существительного.

К существительным принадлежат слова с основными формальными значениями числа и рода и с синтаксическим значением управляемого падежа.

По своему семантическому значению существительное есть название предмета или опредмеченного представления. — Напр. *город, человек, Иван, прогулка, гулянье, белизна* и т. д.

В фразе существительные бывают: 1) абсолютным определяемым, т. е. подлежащим, или 2) разного рода определяющими: a) предикативным, b) дополнительным, c) приложением, d) обстоятельственным определяющим, или 3) обращением.

Различные роли существительного выражаются падежами. Морфемами, служащими для различения падежей, являются *флексии*, сверх того применяется и ударение.

Бесформенными существительными являются некоторые несклоняемые иностранные слова, напр. *жюри, резюмэ, кенгуру, колибри, боа; В. Сарду, Раблэ* и немногочисленные русские несклоняемые фамили, напр. *Дурново, Живаго, Петровых.*

§ 55. Разряды существительных.

Существительные разделяются на три разряда: полнозначные, местоименные и счетные.

1. Полнозначные подразделяются на: a) *одушевленные*, напр. *человек, Иван* и т. д. и b) *неодушевлённые*, напр. *город, прогулка.* — У имен одушевлённых падежи винительный и родительный совпадают по форме; у имен неодушевлённых винит. падеж совпадает с именительным, напр *Я вижу волка* и *Я вижу*

дуб. — Исключение: существительные женск. рода в единственном числе. — Напр. *Кошка поймала мышь; Сова любит ночь; Охотник убил змею; Я вижу книгу.* — Грамматическое различение „одушевлённости“ и „неодушевлённости“ не всегда совпадает с различением живого и неживого; ср. напр. *„Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца!“* и *Рыбаки выловили труп неизвестного человека.*

2. Местоимённые, которые подразделяются на: a) *личные*, напр. *я, ты, мы* и т. д.; b) *возвратное — себя* и c) *вопросительные: кто? что?*

3. Счётные или числительные, подразделяющиеся на a) *количественные: два, пять, сорок* и т. д. и b) *собирательные: двое, оба, пятеро, семеро* и т. д.

§ 56. Число.

У большинства существительных различается единственное и множественное число, напр. *волк : волки, город : города, река : реки, дело : дела* и т. д. — Но некоторые существительные не различают обоих чисел. Счетные существительные (кроме *один*) все обозначают множественность и поэтому грамматического различения двух чисел не имеют (слова *тысяча, миллион, миллиард* и т. п. — простые существительные, не числительные). Не имеют его возвратные и вопросительные местоимения. Некоторые полнозначные существительные употребляются только в форме множественного числа (часто совершенно независимо от их семантического значения), напр. *сани, сливки, ворота, щипцы* и т. д. Другие (главным образом, отвлечённые) употребляются только в форме единственного числа, напр. *белизна, произвол, детство, старость.*

§ 57. Род.

Грамматика подразделяет существительные на три *группы* или, как принято выражаться, на три „рода“.

1. Мужской род, напр. *мужик, конь, стол, фонарь; мужчина, судья, произвол; домишко.*

2. Женский род, напр. *баба, корова, пыль; мышь; белизна, ловкость.*

3. Средний род, напр. *дитя, чудовище; окно, море; детство, гулянье, спускание.*

Различение грамматических родов даже у названий одушевлённых предметов имеет очень мало общего с делением живых су-

ществ на два пола. Ср. *дитя* — среднего рода, независимо от пола; *мышь, змея, рысь, лягушка* — всегда женского рода; *окунь, жаворонок, хорек* — всегда мужск. рода и т. д. Различаются эти три класса своими склонениями, т. е. падежными морфемами, главным образом, единств. числа (во множ. числе отсутствует деление на классы в большинстве падежей, ср. *столами, реками, делами, мышами* и т. д.) да ещё тем, что прилагательные имеют в единств. числе особые морфемы для согласования с каждым родом существительных (ср. *б о л ь ш о й дуб, б о л ь ш а я река, б о л ь ш о е окно*)

Местоимения (кроме *он, она, оно*) ни к какому роду не относятся и при них согласование происходит по смыслу, напр. *Я пришел* и *Я пришла*. Счетные существительные (кроме *один, одна, одно; два, две* и *оба, обе*) также не относятся ни к какому роду, и при них либо согласования вовсе не бывает: *По улице едет две телеги,* либо определяющее ставится во множественном числе (когда предметы, о которых идет речь, вполне известны): *По улице е д у т две телеги.*

§ 58. П а д е ж и.

Различается ш е с т ь падежей в каждом числе: *именительный, родительный, дательный, винительный, творительный* и *предложный*. Падежными морфемами служат суффиксы (положительные или отрицательные), реже ударения (ср. *рукй* и *ру́ки, дела́* и *де́ла*) и вставная гласная (напр. *плат***о**к и *платка, зе́мли* и *зем***е**ль). Каждый род существительных имеет свои склонения. (Так мужской род имеет твёрдый тип: *топор,* и мягкий: *фонарь;* женский: а) твёрдый: *жена,* мягкий: *баня* и b) мягкий: *сеть;* средний — твердый: *окно,* мягкий: *море*). Многие разряды существительных не имеют особых морфем для всех падежей (так, И. В. *сеть*, Р. Д. П. *сети*, Т. *сетью*, так же счётные количественные на *-ь*, и т. д.). — Кроме того, склонения разнятся у существительных различных семантических классов, напр. *топоры, крестьяне, колья, медвежата* и т. д. Именительный независимый служит для выражения подлежащего; прочие падежи—для других ролей существительного в фразе.

§ 59. П о д л е ж а щ е е.

Подлежащее ставится в и м е н и т е л ь н о м падеже.— Примеры: *Л о ш а д ь — животное. К и т не рыба. Э т о мы.* **Я** *работаю. П а ш н я вспахана. Здесь водятся л о с и. У меня есть д е н ь г и. П л о т н и к и построили дом.*

При превращении личного предложения в безличное, а также при переходе действительного оборота в страдательный — прежнее подлежащее становится приглагольным дополнением (см. § 61).

§ 60. Предикат.

Главный падеж — это именительный. — Именительный падеж обязателен, когда подлежащим служит слово *это* (напр. *Это я. Это была моя сестра*) или когда предикат определяет разряд предметов, к которым принадлежит подлежащее (напр. *Кит не рыба. Иван Иванович — мой друг*), и вообще всегда, когда предикат дает постоянную, вневременную характеристику-оценку подлежащего (напр. *Лев Толстой — великий писатель земли русской. Пушкин — величайший русский поэт. Он был дитя своего века*).

Если характеристика, которую даёт предикат подлежащему, есть характеристика временная, преходящая, то он может ставиться в „творительном предикативном"; напр. *Он врачём в нашей больнице. Пушкин был другом многих декабристов. Я, няня, буду пожарным!* При характеристике отдельных сторон подлежащего часто употребляется „родительный предикативный"; напр. *Пугачев был росту среднего. Она доброты необыкновенной.*

При аттрибутивных глаголах существительное-предикат ставится в тех же падежах, но чаще всего в творительном. — Напр. *Он является большим авторитетом в науке. Он показался мне чудаком. Она показалась мне маленького роста. Плюшкин не сразу стал скрягой.* Иногда в таких оборотах встречается и именительный падеж, напр. *И сделалась моя Матрёна ни пава, ни ворона;* но подобные обороты не свойственны книжному языку.

§ 61. Дополнение.

Дополнение, т. е. управляемое определяющее, возможно при различных знаменательных частях речи.

1. Приглагольные дополнения.

Самым важным является прямое дополнение, т. е. дополнение в винительном падеже без предлога; напр. *Я прочёл книгу* [1]). — При отрицании прямое дополнение нередко пере-

[1]) Прямое дополнение возможно только при глаголах в прямой, т. е. невозвратной, форме, однако в детском языке наблюдается оборот *„Слушайся маму и папу"*.

ходит в косвенное и ставится в родительном падеже; напр. *Я не прочёл книги*, но возможно также *Я не прочёл книгу*.

Особо интересны дополнения при безличных предикатах. Именительный подлежащего переходит в дательный лица, напр. *Мне не спится* (ср. *Я не сплю*); *Ей грустно* (ср. *Она грустит*) и т д. В страдательном обороте именительный подлежащего переходит в творительный деятеля, если это одушевленный предмет; напр. *Дом построен плотниками* (ср. *Плотники построили дом*). В некоторых безличных оборотах именительный подлежащего переходит в творительный орудия или причины, напр. *Траву выжгло солнцем* (ср. *Солнце выжгло траву*). Наконец, предложения, в которых на первый план в нашем сознании выдвигается предикат, как утверждающий за подлежащим самое его существование (напр. *Здесь водятся лоси. В нашем лесу растут грибы. У меня есть деньги*), при отрицании становятся безличными, и прежний именительный подлежащего переходит в родительный; напр. *Здесь не водится лосей. В нашем лесу не растет грибов. У меня нет денег.* Ср. напротив, *Здесь грибы не растут, лоси не водятся* (отрицается не подлежащее, а его „деятельность").

2. Приимённые дополнения.

Дополнение при существительных ставится преимущественно в родительном падеже; напр. *Парус лодки. Фунт муки. Рассмотрение отчета затянулось до часу ночи* и т. д.— Винительный приимённый невозможен. Отглагольное существительное обычно управляет тем же падежом, что и соответствующий глагол (ср. *стремиться к наживе* и *стремление к наживе; заниматься искусством* и *занятие искусством*), но винительный прямого дополнения переходит в таких случаях в родительный; ср. *читать книгу* и *чтение книги; рубить лес* и *рубка леса* и т. д.

3. При прилагательных дополнения бывают редко.— Примеры: *Знакомый нам мальчик. Женщина достойна похвалы.*

4. Принаречные дополнения.

При сравнительной степени употребляется родительный сравнения (напр. *Светлее солнца. Тише воды, ниже травы*) или творительный меры (*Годом раньше. Рублем дороже*).

Обстоятельственные наречия управляют по большей части

в зависимости от их вещественного значения [1]), разными падежами при помощи или без помощи предлогов; при этом они легко переходят сами в разряд предлогов. — Примеры: *Вдали от города. Рядом с церковью. Вблизи леса. Заодно с нами. Втайне от всех. Против нас. Мимо дома* и т. д.

§ 62. Приложение.

Приложение это существительное, определяющее другое существительное как его признак, иначе говоря, существительное в роли согласованного определяющего. Подобное употребление существительного сопровождается сдвигом формальных значений, именно изменением характера падежа: из управляемого он становится согласуемым (напр. *Хорош и клён со своими лапами-листьями. Красавица-зорька в небе загорелась*), либо независимым, т. е. приложение ставится в именительном падеже, несмотря на падеж определяемого (напр. *Мы ехали на пароходе „Волга“*).

§ 63. Обстоятельство.

Обстоятельство есть непредметное определяющее к глаголу. В этой роли в существительном происходит сдвиг формальных значений, и оно в большей или меньшей степени теряет свою предметность и переходит в обстоятельственное наречие. Предметный характер ощущается сильнее, если при существительном есть определяющее или если оно употреблено во множ. числе. — Ни местоимённые, ни счётные существительные в этой роли не употребляются.

Примеры на обстоятельственное употребление существительных. — *Тройка летит стрелой* (Ср. *Птицу ранили стрелой*). *Мы часто ездим верхом* (ср. *Казаки выезжают верха́ми*). *Мы шли полем. Он работает ночью* (*ночами; день и ночь*). *Летом мы живем на даче. Эту речку можно перейти в брод* (*бродом*). *Дом продаётся на слом. Всё было разом кончено.*

§ 64. Обращение.

Обращение или воззвание принадлежит эмоциональному языку, характеризуется особой интонацией и, собственно говоря, близко к междометию. Существительное-обращение ставится в „имени-

[1]) Особенного внимания заслуживает отглагольное наречие *жаль (жалко)*, которое может управлять и родительным и винительным падежами, напр. *Жаль старику старухи* или *старуху*.

тельном падеже", как беспадежной форме. — Прим. *Иван, поди сюда! — Москва! Как много в этом слове для сердца русского слилось!*

§ 65. Местоимения.

Местоимения-существительные отличаются следующими особенностями.

Личные местоимения различают три лица, тогда как полнозначные существительные всегда обозначают 3-е лицо и только в роли обращения указывают на 2-е лицо.

Возвратное местоимение употребляется только в роли дополнения и потому не имеет формы именит. падежа.

Вопросительные местоимения служат также для выражения отношений подчинения; в этой роли они становятся полузнаменательными относительными словами. — Примеры: *Кто палку взял, тот и капрал Я не понимаю, чего он хочет от меня. Мы сели на скамью, которая стоит у стены.*

Посредством особых частиц (см. § 100) вопросительно-относительные местоимения становятся отрицательными и неопределёнными: *никто, ничего, кто-то, что-нибудь* и т. д.

§ 66. Числительные.

Синтагматическая роль существительных-счётных заслуживает особого внимания. В отношении к существительному, с которым числительное употреблено, оно служит определяемым. *Я купил два* (Т) *яблока* (Т'), *пять* (Т) *яблок* (Т') и т. д.; здесь существительное играет роль управляемого определяющего. В фразах *Я пошёл с двумя товарищами на прогулку, о каких-то там пропавших двух яблоках говорить не стоит*, существительное ставится в одном падеже с числительным, но тем самым оба становятся параллельными и каждое из них может рассматриваться и как Т и как Т' по отношению к другому.

67. Словообразование.

Живыми, продуктивными формантами для образования существительных являются суффиксы. Они очень многочисленны и разнообразны, — поэтому здесь приводятся только важнейшие из них. Особую группу составляют форманты, вносящие элемент оценки-сравнения в уже существующие имена; напр. от *дом* > *домик, домище, домишко* и т. д.

-ние или **-нье** (действие или результат по глаголу): *писание* < *писать, пыление* < *пылить, решение* < *решить, гуляние* (или *гулянье*) < *гулять* и т. д.

-тель (деятель по глаголу): *писатель* < *писать, поджигатель* < *поджигать* и т. д.

-лка (место действия или орудие по глаголу): *умывалка* < *умывать, курилка* < *курить, раздевалка* < *раздевать, зажигалка* < *зажигать, чинилка* < *чинить* и т. д.

-ло (менее продуктивный; орудие по глаголу): *покрывало* < *покрывать, точило* < *точить, опахало* < *опахивать* и т. д.

-ец (лицо по его признаку): *делец* < *дело, жилец* < *жить, продавец* < *продавать* и т. д.

-ник и **-ница** (предмет по его признаку): *сапожник* < *сапог, мешочник* < *мешок, чайник* < *чай, чайница* < *чай, чернильница* < *чернила* и т. д.

-ство (занятие по деятелю): *сапожничество* < *сапожник, мешочничество* < *мешочник* и т. д

-ость, -изна и **-ота** (качество по прилагательному): *ловкость* < *ловкий, узость* < *узкий; кривизна* < *кривой, белизна* < *белый; краснота* < *красный, широта* < *широкий* и т. д.

-онок (-ёнок) (детеныш). *волчонок* < *волк, медвежонок* < *медведь* и т. д.

Очень много в русском языке суффиксов, заимствованных из иностранных языков: **-ист:** *социалист, коммунист, ленинист,* **-изм:** *социализм, коммунизм, дарвинизм, ленинизм;* **-ция:** *авиация, ликвидация* и т. д.

От имен существ. мужского пола образуются соответствующие имена женского рода при помощи суффиксов: **-ица, -ница, -ка, -иха,** напр. *жилица* < *жилец, учительница* < *учитель, социалистка* < *социалист; зайчиха* < *заяц, врачиха* (народное слово) < *врач* и т. д.

Особую группу представляют производные слова, заключающие в себе элемент оценки (больше, меньше, лучше, хуже). Эта оценка почти всегда субъективного характера, т. е. выражает приязнь или неприязнь лица говорящего.

Ласкательные (они же по большей части и уменьшительные).

-ечка, -енька, -ушка, -ышко, -шек, -чик, -ик, -чка, -ица, -ка и т. д.: *Ванечка, Машенька, Аннушка, головушка, солнышко,*

воробышек, камешек, зайчик, палочка, милочка, водица, коровка, пуговка и т. д.

Презрительные (они же по большей части и увеличительные).

-ище, -ища, -ина: *домище, коровища, лапища, дурачина, домина* и т. д

-ишко, -ёнка: *городишко, лошаденка* и т. д.

-ьё (собирательный): *хулиганье, мужичье, бабьё.*

Глава V

Глаголы.

§ 68. Определение глагола.

К глаголам относятся слова с основным формальным значением **вида.**

Семантическое значение глагола есть обозначение процесса, т. е. действия (*работать, читать*), становления (*молодеть, стареть*) или состояния (*белеть, покоиться*).

По отношению к подлежащему-деятелю и дополнению-объекту действия глаголы подразделяются на переходные и непереходные. Переходные глаголы допускают две конструкции (иначе — залоги): действительную и страдательную.

Главная роль глагола в фразе — это роль личного определяющего, т. е. предиката. Для этой роли у глагола имеются особые „личные формы", иначе наклонения. „Неличные формы" (Инфинитив, Деепричастие и Причастия) служат для других ролей глагола в фразе: 1) абсолютного определяемого или подлежащего и 2) разных непредикативных определяющих: a) согласуемого и b) примыкающих.

Совокупность личных и неличных форм глагола называется спряжением.

Морфемы, как и формы у глагола чрезвычайно разнообразны: спряжение выражается почти исключительно при помощи суффиксов; другие значения глагола выражаются префиксами, частицами и суффиксами.

Многие глаголы, обозначающие движение или звук, имеют особую краткую неизменяемую форму междометного характера; напр. *Хвать друга камнем в лоб!*

Аттрибутивные глаголы являются неполнозначными. Глагол *быть* в роли связки является незнаменательным, „вспомогательным" глаголом, подобным местоимённым словам в других частях речи.

§ 69. Переходность.

Глаголы, которые могут иметь при себе прямое дополнение (иначе, — управляют винит. падежом), называются переходными. Если при таком глаголе есть подлежащее, то оно является действующим лицом, автором процесса, а прямое дополнение — объектом процесса, т. е. предметом, на который направлено действие подлежащего; напр. *Охотник застрелил медведя. Мальчишки бросают каменья* — Прочие глаголы называются непереходными; пример: *Охотник идет по лесу.*

Когда нужно показать, что действие сосредоточено на самом подлежащем или замкнуто в самом себе и не переходит ни на какой объект, глагол употребляется в возвратной форме. — Напр. *Охотник застрелился. Мальчишки бросаются каменьями.* — Возвратная форма образуется прибавлением частицы *-ся* к обычной, так назыв. прямой форме глагола. В возвратной форме глагол непереходен. Почти всякому глаголу можно придать (для того, чтобы сосредоточить, замкнуть процесс) возвратную форму, особенно при безличном обороте; напр. *Мне не спится.* Есть небольшое количество глаголов, употребляемых только в возвратной форме, напр. *смеркаться, охотиться, стараться* и т. п.

В прямой форме глагол, смотря по его вещественному значению, будет переходным или непереходным. Переходный глагол может быть употреблен и непереходно, напр. *Я читаю.*

§ 70 Залоги.

Переходные глаголы допускают двоякую конструкцию, или — как принято говорить — употребляются в двух **залогах:** *действительном* и *страдательном.* — В первом случае подлежащее и деятель совпадают, подлежащее является действующим лицом, автором процесса. Напр. *Пахарь вспахал поле. Вспахали поле.* — Во втором случае подлежащее не действует, но подвергается действию, деятель же может быть совсем устранен. Напр. *Поле вспахано пахарем. Поле вспахано.*

Для предиката страдательного залога от глаголов совершенного вида употребляется страдательное причастие прошедшего времени в краткой форме вместе со связкой *быть.* — Напр. *Поле вспахано. Поле было вспахано. Поле будет вспахано.* У глаголов несовершенного вида роль страдательного предиката может

выполнять возвратная форма; напр. *Поле вспахивается. Поле вспахивалось. Поле будет вспахиваться.*

Глаголы непереходные имеют только одну действительную конструкцию: *Я лежу. Он смеется.*

§ 71. Вид.

Видов два: совершенный и несовершенный.

Совершенный вид показывает процесс в его законченности; напр. *решить: Я решил задачу; Я решу задачу; Задача решена* и т. д. Несовершенный вид показывает процесс в его незаконченности, длительности; напр. *решать: Я решал задачу; Я буду решать задачу; Я решаю задачу; Задача решается* и т. д. К глаголам совершенного вида принадлежат и глаголы, выражающие однократность (или мгновенность) действия; напр. *стукнуть, хлопнуть, двинуть, скакнуть* и т. д.

Каждый глагол выражает один какой-нибудь вид — либо совершенный, либо несовершенный. Но есть небольшое количество глаголов (почти все они иностранного происхождения и употребляются в языке образованных классов), которые могут обозначать и законченность и длительность и таким образом принадлежат к обоим видам сразу. Таковы, напр., *атаковать, телеграфировать, реквизировать, казнить* и т. д

§ 72. Образование видов.

Противоположение глагольных видов выражается противоположением формант — префиксов и суффиксов; напр. *толкать* (нес. вид) > **вы-***толкать* (сов. вид) > *выталк-***ив-***ать* (несов. вид) > **по-***выталкивать* (сов. вид) или *толк-***ать** (несов. вид) > *толк-***нуть** (сов. однокр. вид). Следовательно, образование видов тесно связано с глагольным словообразованием.

Образование отглагольных глаголов идёт следующим путём —

Простой глагол *толкать*

1-я ступень **вы-***толкать* *толк-***нуть** → **вы-***толкнуть* и т. д.

2-я ступень *выталк-***ивать**

3-я ступень **по-***выталкивать.*

Простые глаголы, т. е. неприставочные и не образованные от других глаголов, все несовершенного вида, кроме сорока глаголов, вроде *купить, лишить, бросить* и т. д.

При помощи префиксов от простого глагола можно образовать до двадцати (см. § 85) новых глаголов: *вытолкать*, *затолкать*, *протолкать* и т д. Все они будут совершенного вида. От некоторых простых глаголов можно образовать также однократный глагол при помощи суффикса *-нуть*, а от него в свою очередь производить префиксальные или приставочные глаголы. Почти все приставочные глаголы 1-й ступени глаголообразования являются переходными; ср., напр., *сидеть* (неперех.) и *отсидеть ногу*, *подсидеть кого-нибудь*, *просидеть стул*, *мухи засидели зеркало* и т. д.

При помощи так наз „вторичных" суффиксов (*'-ы-вать / '-ив-ать*, *-ев-а́ть*, *а́-ть;* см. § 85) к приставочному глаголу 1-й ступени можно образовать соответствующий глагол несоверш. вида (2-я ступень глаголообразования). Подобный вторичный глагол несов. вида сохраняет полностью вещественное значение, а стало-быть и переходность, соответствующего глагола 1-й ступени. — Напр. *отсиживать*, *просиживать*, *подсиживать*, *засиживать* и т д.

Наконец, от вторичного глагола несов. вида можно иногда образовать новый приставочный глагол опять-таки совершенного вида (3-я ступень образования, или вторичные глаголы соверш. вида). — Напр. **по**-*выталкивать* (см. § 85).

Глаголы 1-й и 2-й ступени образуют видовые пáры, в которых оба глагола противополагаются друг другу как различные виды; напр. *вытолкать / выталкивать*, *толкать / толкнуть*, *решить / решать* и т. п. В двух-трех случаях видовые пары образованы из глаголов совершенно разных корней; напр. *взять / брать*, *говорить / сказать*.

§ 73. Спряжение.

Формы спряжения тесно связаны с видовым значением глагола.

Глаголы совершенного вида не имеют настоящего времени. С другой стороны, глаголы несовершенного вида не имеют страдательного причастия прош. времени. Одни и те же личные морфемы *(-у, -шь, -т, -м, -те, -ут* или *-ат)* служат для выражения настоящего времени у глаголов несоверш. вида, но выражают будущее время у глаголов совершенного вида; напр. *Я делаю* и *Я сделаю*. — У глаголов несоверш. вида деепричастие обозначает второстепенный процесс, одновременный с главным процессом, выражаемым предикатом; напр. *Читая ваше письмо, я думаю о вас*, или *думал, подумаю* и т. д. У глаголов соверш. вида

деепричастие выражает второстепенный процесс, предшествующий по отношению к главному; напр. *Прочитав ваше письмо, я думаю о вас, подумал* и т. д.

§ 74. Таблица глагольных форм.

Совершенн. вид.	*Несовершенн. вид.*

А. Личные формы.

1. Изъявительное наклонение.

Настоящее время.

	Ед. ч. 1 л. решаю
	2 л. решаешь
(Нет.)	3 л. решает
	Мн. ч. 1 л. решаем
	2 л. решаете
	3 л. решают

Прошедшее время.

Ед. ч. М. р. решил	Ед. ч. М. р. решал
Ж. р. решила	Ж. р. решала
Ср. р. решило	Ср. р. решало
Множ. число решили	Множ. число решали

Будущее время.

Ед. ч. 1 л. решу	Ед. ч. 1 л. буду	
2 л. решишь	2 л. будешь	
3 л. решит	3 л. будет	
Мн. ч. 1 л. решим	Мн. ч. 1 л. будем	решать
2 л. решите	2 л. будете	
3 л. решат	3 л. будут	

2. Сослагательное наклонение.

Ед ч. М. р. решил бы	Ед ч. М. р. решал бы
Ж. р. решила бы	Ж. р. решала бы
Ср. р. решило бы	Ср. р. решало бы
Множ. число решили бы	Множ. число решали бы

3. Повелительное наклонение.

Ед. ч. 2 л. реши	Ед. ч. 2 л. решай
Мн. ч. 2 л. решите	Мн. ч. 2 л. решайте
1 и 2 л. решимте	1 и 2 л. решаемте

В. Неличные формы.

1. Инфинитив.

решить	решать

2. Деепричастие.

решив (или решивши)	решая

3. Причастия.

а) Действительный залог.

Настоящее время.

(Нет.)	решающий

Прошедшее время.

решивший	решавший

b) Страдательный залог.

Настоящее время.

(Нет.)	решаемый

Прошедшее время.

решённый	(Нет.)

§ 75. Наклонения.

Оттенков, или модальностей, того, как лицо говорящее относится к высказываемому им, чрезвычайно много, особенно в эмоциональной речи. Но основных наклонений, являющихся грамматическими формами глагола, три: изъявительное, сослагательное и повелительное.

Изъявительное наклонение служит для простого констатирования факта в настоящем, прошлом или будущем. — Напр. *Он бездельничает, и потому не перейдёт в следующий класс. Задача решена.*

Сослагательное наклонение — это отношение к высказываемому, как к предположению. Напр. *Он перешёл бы в следующий класс, если бы занимался. Едва ли он перешёл бы, даже если бы занимался.* — Частица **бы** передвигается свободно в фразе; может повторяться по нескольку раз и придаёт всей фразе предположительный характер, даже если в ней нет глагола в форме прошедшего времени. — Напр. *Сколько* **бы** *денег заработать можно! Эту главу следовало* **бы** *расширить, введя* **бы** *некоторые подробности. „Спит ум, может быть, обретший* **бы** *внезапный родник великих средств“* (Гоголь).

Повелительное наклонение. — Повелительная фраза принадлежит к эмоциональному языку и прежде всего отличается особой интонацией; эта интонация может придаваться любым словам и формам слов. Грамматическая форма повелительного наклонения является наименее эмоциональной. — Напр. *Взять его!* (ср. *Возьмите его!) В угол! Вон отсюда! Ну, бац его! Сюда!* — Форма повелит. наклонения может употребляться не только для обращения ко второму лицу; напр. *Идём! Идёмте!* — Повелительное наклонение от глаголов соверш. вида выражает (за немногими исключениями) более вежливое отношение к собеседнику, чем та же форма от глаголов несов. вида; срв. *Реши мне эту задачу!* и *Решай мне эту задачу!*

Примеры на модальности. — *Заложим бывало тройку, и в степь! Я зашёл было к нему, но его не было дома. Поднявшийся было ветер стих. Вы бы отдохнули. Вам бы отдохнуть. Я взял да и уехал. А собака не будь дура, — возьми да и тяпни его. Вижу я во сне: иду бы я по над рекой, а из воды меня кто-то бы кличет. Сломить ему будет голову! Не видать тебе его, как своих ушей!* и т. д.

§ 76. Времена.

В грамматике времена различаются по отношению к моменту речи. — Настоящее время означает, что действие глагола совпадает с моментом речи; напр. *Ваня гуляет в саду.* Это совпадение может пониматься очень широко; напр. *Земля движется вокруг солнца* (не только сейчас, но и всегда) или *Она прекрасно поет* (не сейчас, а вообще умеет петь). Прошедшее время означает, что процесс имел место до момента речи; напр. *Я долго жил в Москве. Ваня уронил чашку.* Будущее время означает, что процесс будет иметь место после момента речи; напр. *Я уеду отсюда. Сейчас я буду одеваться.*

В эмоциональной речи лицо говорящее в своём воображении переносится то в прошлое, то в будущее и тем самым постоянно разрушает объективную перспективу времени. — Напр. *Шёл я вчера по улице. Слышу, кто-то окликнул меня. Оборотился, смотрю Иван Иваныч.* Или *Завтра чуть свет еду в деревню.*

Только изъявительное наклонение имеет формы времён. В других наклонениях время процесса определяется обстановкой речи и контекстом.

Формы времён имеют различное значение у каждого вида.

Глаголы совершенного вида имеют только формы прошедшего и будущего времени. Законченный процесс дается в своём результате. Форма прош. вр. у глаголов соверш. вида означает свершившийся результат; напр. *Пушкин родился в* 1799 *году.* Но этот результат может пребывать и по сию минуту; напр. *Я взял книгу* = книга теперь у меня. *Голову разломило* = ломит сейчас. Форма будущего вр. у глаголов соверш. вида означает будущий результат; напр. *Сейчас я оденусь.* Но этот результат может наступить тотчас же, так что его совершение совпадёт с моментом речи, напр. *А сколько вас здесь наберется? Посмотрю на вас,— слабый вы народ.* Ср. напротив, глаголы несоверш. вида: *Я брал книгу. Сейчас я буду одеваться.*

Вследствие этих особенностей форма будущего времени от глаголов соверш. вида, особенно в эмоциональной речи, употребляется в самых разнообразных временных и невременных значениях.— Напр. *Лиса открыла мешок, а собаки как выскочат оттуда, да за ней. Потеряла пуговицу; никак не найду.*

§ 77. Синтаксические формальные значения.

Лицо и число при глаголе выражаются подлежащим, но подлежащее-личное местоимение очень часто опускается.— Напр. *Хотите погулять? Хотеть-то хочу, да некогда.— Люблю грозу в начале мая.*

Формы настоящего и будущего времени имеют особые морфемы (суффиксы-окончания) для различения трёх лиц в единств. и трёх лиц во множ. числе. Формы прошедш. времени и сослагат. наклонения имеют только морфемы для различения родов в единств. числе и одну общую морфему для множеств. числа.— Повелительное наклонение обычно употребляется без личного местоимения и имеет одну морфему в единств. числе для обращения ко второму лицу (напр. *Иди!*) и две во множеств. числе *(Идите! Идемте!).*

Формы 3-го лица обоих чисел изъявительного и сослагательного наклонений, употребляемые самостоятельно, получают особое значение: 3-е лицо ед. числа (а в прош. врем. и в сослаг. накл. форма средн. рода) обозначает безличный оборот (напр. *Светает. Подморозило*), а 3-е л. множ. числа выражает процесс с неопределённым лицом (напр. *Говорят. Нам сообщают о землетрясении в Японии*).

2-е л. ед. числа, безразлично с личным местоимением или без него, может служить для обозначения „расширенного лица",— Напр. *Работаешь, работаешь, а всё без толку.*

§ 78. Предикат.

Личные формы глагола согласуются с подлежащим в лице, числе и роде (если у глагола имеются родовые морфемы).

В некоторых случаях согласование бывает не формальным, а по смыслу. Так бывает напр. тогда, когда подлежащее своим вещественным значением обозначает множественность, хотя бы формально оно и стояло в единств. числе. Можно сказать напр. *При взрыве моста масса людей пострадало* или *пострадали. По улице прошло* или *прошли два солдата* (*несколько, много солдат* и т. д.). *Брат с сестрой ушёл* или *ушли гулять. Несколько человек было убито* или *были убиты.*

Безличный предикат выражается, как мы уже говорили, формою 3-го лица ед. числа, а где возможно, то формою среднего рода; напр. *Мне нездоровится. Мне нездоровилось.* Но эта форма без возможности постановки местоимения *он, она, оно,* указывает как раз на отсутствие лица, иначе — указывает на „отрицательное лицо". Происходит, стало-быть, сдвиг формальных значений, благодаря которому безличный предикат становится в фразе в положение абсолютного определяемого. — В разговорном языке, особенно в народе, при безличном предикате, выражающем мнение, размышление лица говорящего, очень часто употребляется особое словечко „оно". — Напр. *Как подумаешь о жизни, так оно и выходит, что своя рубашка ближе к телу.* — Роль этого словечка это показать, что подлежащего нет и не может быть, и что место его остаётся пустым.

Страдательный предикат выражается у глаголов совершенного вида страдат. причастием прош. времени в краткой („предикативной") форме вместе со связкою быть; напр. *Крепость была осаждена.* У глаголов несовершенного вида эквивалентом страдательного предиката служит возвратная форма; напр. *Крепость осаждалась.* (Изредка в последнем случае употребляется страдат. причастие настоящего времени, напр. *Крепость была осаждаема. Он всеми любим и уважаем.*)

§ 79. Деепричастие.

Деепричастие—это особая форма для глагола в роли обстоятельственного определяющего. От простого наречия деепричастие отличается тем, что сохраняет формальные значения переходности, вида и времени, свойственные только глаголам. Но „время" деепри-

частия указывает отношение не к говорящему лицу, т. е. не к моменту речи, а ко времени процесса, выраженного личным глаголом в фразе. — Напр. *Гуляя, мы попали под дождь. Вернувшись домой, он завалился спать.*

Второстепенный процесс, выражаемый деепричастием, всегда относится к тому же деятелю, что и главный процесс, выражаемый предикатом, поэтому невозможно сказать: *Гуляя, нас застиг дождь.* Но деепричастие возможно иногда и при формально безличных оборотах, напр. *Хорошо было бы, разобравшись в этих вопросах, выяснить их полную несостоятельность* („разбираться" и „выяснять" вопросы предлагается одному и тому же лицу, хотя формально оно и устранено).

Деепричастие от глаголов несовершенного вида легко переходит в наречие; напр. *Мы шли молча. Он и ест-то лёжа.* Глагольность деепричастия усиливается, если при нем есть управляемые определяющие. Ср. *Он шёл медленно, смотря себе под ноги* и *Он действует смотря по настроению,* где „смотря" стало полузнаменательным словом. — Особый, редкий случай аттрибутивного употребления деепричастия имеем мы в фразах вроде *Он был сильно выпивши.*

§ 80. Причастия.

Причастие—это форма глагола в роли прилагательного (определение или член аттрибутивного предиката). От обычного прилагательного причастие отличается тем, что сохраняет формальные значения переходности, залога, вида и времени, свойственные только глаголу. Среди этих значений наиболее характерным является различение залогов.

Роль прилагательного мало свойствена глаголу. В разговорной речи распространенным является только страдат. причастие в прош. времени в составе страдательного предиката, причём чаще всего предикат этот встречается в безличных оборотах с устранённым деятелем. — Напр. *Сказано — сделано. Почём плачено?* Остальные причастия в подобной роли не употребляются (исключение — редчайшие обороты вроде *Он всеми уважаем*). Фразы вроде *Я человек, который работающий* свойственны простому люду, неумело подражающему говору образованных классов.

Причастия принадлежат книжному языку. В разговорной, даже очень литературной, речи мы стремимся заменять их относительными придаточными предложениями и вместо *Я получил книгу,*

обещанную вами, предпочитаем говорить *Я получил книгу, которую вы мне обещали.* В таких случаях оборот с причастием является эквивалентом придаточного предложения, как бы „сокращённым придаточным предложением".

Причастия, употребляемые одиночно, без дополнений, напр. *Я встретил на улице какого-то оборванного мальчишку,* представляются простыми отглагольными прилагательными, как напр. *Отрывной календарь; Зыбучие пески; Несгораемый шкаф; Угрожаемая по холере местность; Непромокаемое пальто.*

§ 81. Инфинитив.

Инфинитив есть выражение процесса без отношения к лицу говорящему и без синтаксических формальных значений; поскольку же он выступает в роли определяющего, он является примыкающим словом. Это общее обозначение процесса пригодно в речи для самых разнообразных ролей[1]).

Инфитив может быть подлежащим. — Напр. *Гулять полезно.*

Инфинитив может быть аттриб. предикатом *Понять — простить;* может служить определяющим к различным членам фразы, особливо к глаголам. — Напр. *Он пошёл гулять. Привыкши спать после обеда, он ушел к себе отдохнуть. Мне не с кем было посоветоваться. Он большой мастер песни петь. Село издали было видать как на ладони* (народный оборот).

В эмоциональном языке инфинитив может выступать в роли эквивалента личного глагола. — Напр. *А он бежать! Замолчать!*

Интересно заметить, что народная речь пользуется инфинитивом гораздо больше, чем речь литературная; наделяет его разнообразными модальными оттенками, заменяет им отвлечённые отглагольные существительные на *-ние* и, вообще, видит в инфинитиве конкретное выражение процесса. — Примеры: *Любить не люби, а почаще взглядывай. Видать орла по полёту. Как ни крыться, всё будет повиниться. Пить — умереть и не пить — умереть, так уж лучше пить. Знать не знаю, ведать не ведаю. Такого молодца поискать. Ехать, так ехать. Где уж тут рассуждать!?* и т. д.

---

[1]) Отглагольное существительное, напр. *решение,* есть название процесса, тогда как инфинитив *(решить)* есть выражение процесса.

§ 82. Междометная форма глагола.

Глаголы, обозначающие быстрое движение или звуковое впечатление, могут иметь особую форму с отрицательным суффиксом, напр. *хвать* < *хватить, двиг* < *двигать, бултых* < *бултыхаться, бряк* < *брякать, стук* < *стукнуть* и т. д. Употребляются они в эмоциональном языке и имеют значение, сближающее их с междометиями. — Напр. *Разбежался и бултых в воду! Хвать друга камнем в лоб.* Подобная форма сохраняет только формальное значение управления, т. е. переходности или непереходности [1]).

§ 83. Глагол *быть*.

Глагол *быть* имеет особое спряжение.

А. Личные формы.

1. Изъявительное наклонение.

Наст. вр.:	есть (суть).
Прош. вр.:	был, была, было, были.
Буд. вр.:	буду, будешь, будет, будем, будете, будут.

2. Сослагательное наклонение:

был бы, была бы и т. д.

3. Повелительное наклонение:

будь, будьте, будем.

В. Неличные формы.

1. Инфинитив:		быть.
2. Деепричастия:		будучи, бывши (или быв).
3. Причастия —	Прош. вр.:	бывший,
	Будущ. вр.:	будущий.

Глагол *быть* не принадлежит ни к какому виду.

В настоящем времени *быть* не имеет личных форм. В роли связки в настоящем времени в положительных (не отрицательных) фразах глагол *быть* совершенно опускается („отрицательная

---

1) Следует отметить, что отымённое междометие *раз!* управляет прямым дополнением, напр. *А он раз его в грудь!*

связка"), напр. *Я болен.* Впрочем, в книжном языке в 3-м лице ед. числа нередко употребляется форма *есть*, напр. *Инфинитив есть неличная форма глагола.* В церковном языке в 3-м лице множ. числа встречаем форму *суть*, напр. *Ангелы суть духи бесплотные.* — В качестве же знаменательного глагола форма *есть* употребляется для всех лиц и для обоих чисел, напр. *Каков я есть, таков и буду. Так это вы и есть наш сосед. Есть ещё правда на свете! Здесь есть дикие утки.* — Примеры на отрицательные фразы: *Я не болен. Инфинитив не (есть) особое наклонение. Ангелы не суть духи бесплотные. Нет правды на земле!*

Деепричастие *будучи* имеет то же значение, что деепричастие глаголов несоверш. вида, напр. *Будучи болен, он не пошёл* (*не пойдёт, не идёт* и т. д.) *на заседание.* Деепричастие *бывши* (или *быв*) может относиться только к минувшему, напр. *Бывши* (или *будучи*) *в Москве, я часто посещал Третьяковскую галлерею. Бывши когда-то начальником, он не может примириться со своим теперешним положением.*

Будущий по своему вещественному значению относится к будущему времени и является как бы причастием будущего времени [1]). В церковном языке встречается причастие настоящего времени *сущий*, напр. *Все сущее на земле и на небесах хвалит Господа.*

§ 84. Глаголы передвижения.

Глаголы, обозначающие способы передвижения, образуют две параллельные серии, различаемые как:

I. Глаголы определённого движения.	II. Глаго́лы неопределенного движения.
бежать	*бегать*
брести	*бредить*
везти	*возить*
вести	*водить*
гнать	*гонять*
ехать	*ездить*
итти	*ходить*
катить	*катать*
лезть	*лазить*
лететь	*летать*

[1]) Так же *грядущий*

нести	*носить*
плыть	*плавать*
ползти	*ползать*
тащить	*таскать*

От прочих глаголов глаголы передвижения отличаются тем, что они выражают процессы в их отношении к пространству. Так, глаголы „определенного" движения можно употреблять только тогда, когда направление движения известно. Напр. *Птицы летят* означает, что направление их полета известно лицу говорящему (напр. он видит, куда птицы летят); *Птицы летают* означает, что птицы умеют летать; если же мы попробуем указать направление их полета, напр. *Птицы летают над озером*, то это будет означать, что они летают в разных направлениях (ср. напротив *Птицы летят над озером*); если сказать *Птицы летают вон к тому дереву*, опять-таки, мы поймём, что птицы летают туда и обратно и по нескольку раз. Одним словом, глаголы второй серии не допускают точного определения движения в едином направлении.

§ 85. Словообразование.

По своему образованию производные глаголы распадаются на четыре разряда: 1) отглагольные, т. е. образуемые от глаголов; 2) отымённые, т. е. образуемые от имён существительных или прилагательных; 3) звукоподражательные, т. е. стремящиеся воспроизвести звуковую сторону какого-нибудь слова, напр. *ахать* < *ах*, *шикать* < *ш...ш...* и т. д. и 4) заимствуемые с иностранного.

1. Отглагольные глаголы образуются при помощи префиксов, или приставок, и суффиксов. Продуктивными приставками являются следующие: **в-**, **вз-**, **вы-**, **до-**, **за-**, **из-**, **на-**, **над-**, **о-**, (**об-**, **обо-**), **от-**, **пере-**, **по-**, **под-**, **при-**, **про-**, **раз-**, **с-**, **у-** (непродуктивные: *воз-*, *низ-*, *пре-* и *пред-*). Примеры: *играть* > *взыграть*, *выиграть*, *доиграть*, *заиграть*, *наиграть*, *надыграть*, *обыграть*, *отыграть*, *переиграть*, *поиграть*, *подыграть*, *проиграть*, *разыграть*, *сыграть*. Примеры непродуктивных: *восстать*, *низвести*, *преградить*, *представить*.

Мы знаем, что отглагольное производство служит вместе с тем и видовым (см. § 72). При помощи этих префиксов от основных образуются глаголы совершенного вида 1-й ступени. Кроме того, от вторичных глаголов несоверш. вида (2-я ступень) можно об-

разовать вторичные глаголы совершенного вида (3-я ступень) при помощи префиксов **на-**, **по-** или **пере-**; напр. *обыгрывать* > *пообыгрывать*, *выигрывать* > *навыигрывать*, *выталкивать* > *перевыталкивать*.

Для образования вторичных глаголов несоверш. вида от префиксальных глаголов 1-й ступени служат особые суффиксы, так наз. „вторичные“: **-ыв-ать** / **-ив-ать**, **-ев-áть** и **-áть**; напр. *обыграть* > *обыгрывать*, *закурить* > *закуривать*; *согреть* > *согревать*; *вырубить* > *вырубать*. — Наконец для образования „мгновенных“ глаголов употребляется суффикс **-нуть**, напр. *толкать* > *толкнуть*. В разговорном языке очень распространен суффикс **-а-нýть**: *толкануть*, *резануть*, *щелкануть*.

2. Отымённые глаголы образуются от имён существительных и прилагательных при помощи суффиксов: **-ничать** (непереходн.): *разбойник* > *разбойничать*, *повеса* > *повесничать*; **-еть** // **-еют** (неперех.): *белый* > *белеть*, *сова* > *советь*; **-ствовать** (неперех.): *бедствие* > *бедствовать*; *торжество* > *торжествовать*; **-овать** // **-уют** / **-евать** // **-ют** (обычно неперех.): *горе* > *горевать*; **-ить** // **-ят** (обычно непереходн.): *белый* > *белить*, *пыль* > *пылить*.

Встречаются отымённые префиксальные глаголы, напр. *облесить* < *лес*; *углубить* < *глубокий*. Они относятся к глаголам 1-й ступени.

3. Звукоподражательные глаголы образуются при помощи суффикса **-ать** (или **-к-ать**), напр. *ох!* < *охать*, *ау!* < *аукать*, *мяу!* < *мяукать*.

4. Заимствуемые с иностранного глаголы вводятся в русский язык образованными людьми, напр. учёными и разными специалистами, при помощи суффиксов **-ир-овать**, **-из-ир-овать**, **-из-овать**, и **-овать**; напр. *электризировать* или *электризовать*, *массировать*, *диктовать*.

Наконец, в аффективной речи мы встречаем такие образования, как *спатиньки*, *кушаньки*, *гулятиньки*, употребляемые в обращении к маленьким детям.

§ 86. Классификация глаголов.

По характеру морфем, служащих для спряжения, глаголы разделяются на пять продуктивных классов и на несколько непродуктивных типов или групп.

Продуктивные (живые) классы.

I (**-ать** / **-ают**) *играть, гулять, разбойничать, выигрывать, ахать* и т. д.

II (**-еть** // **-еют**): *белеть, худеть, советь* и т. д.

III (**-овать** // **-уют**): *рисовать, ночевать, диктовать, массировать* и т. д.

IV (**-ить** // **-ят**): *хранить, мылить, белить* и т. д

V (**-нуть** / **-нут**): *толкнуть, стукнуть* и т. д.

Каждый вновь образующийся глагол будет по своему спряжению принадлежать к одному из этих классов [1]).

Непродуктивные группы заключают в себе около 400 глаголов.

A. (-ать // -ут): *сосать, мазать, веять, обнять* и т. д.; около 160 глаголов.

B. (-ать // -ат): *кричать* и т. д.; 35 гл.

C (-еть // -ат): *гореть* и т. д.; 48 гл.

D. (-нуть, суффикс -ну- выпадает в прош. вр.). *гаснуть* и т. д.; 60 гл.

E. (-ти или -ть с предшествующей согласной): *нести, грызть* и т. д; 33 гл

F. (-чь): *печь* и т. д.; 16 гл.

G. Отдельные глаголы: *бить, тереть, дать, мыть колоть* и т. д; до 49 гл.

Неправильные глаголы: *бежать (бегу, бежишь.. бегут)* относятся к типу B; *хотеть (хочу, хочешь, хочет, хотим, хотите, хотят)* — к типу C.

---

1) Чтобы определить класс глагола, нужно сравнить его формы инфинитива и 3-го лица множ. числа.

Глава VI.

Прилагательные.

§ 87. Определение прилагательного.

Прилагательными называются слова, которые служат определяющими к существительным и обозначают признаки, присущие предмету. Прилагательные согласуются со своими определяемыми, т. е. отражают формальные значения определяемого существительного, для этого у прилагательных имеются синтаксические формы рода, числа и падежа.

В фразе прилагательное бывает или определением или предикатом. Кроме того, прилагательное может выступать в качестве эквивалента, т. е. заместителя существительного во всех его ролях.

§ 88. Разряды прилагательных.

Полнозначные прилагательные разделяются на качественные (напр. *Белый парус*) и относительные (напр. *Деревянный дом. Утренняя газета*).

Качественные прилагательные имеют особые степени сравнения, которые обозначают различные степени качества: сравнительная (напр. *Этот парус белее того* или *Я никогда не видал более белого паруса*) и превосходная (напр. *Этот парус белее всех других. Самая высокая гора это Эверест*). — Качественные прилагательные в положительной и сравнительной степенях имеют две формы: полную (напр. *белый*, *более белый*) и краткую или „предикативную“ (напр. *бел, белее*), употребляемую только в роли предиката. Краткая форма не склоняется, а краткая форма сравнительной степени кроме того не изменяется ни по родам ни по числам.

Относительные прилагательные не имеют степеней сравнения и имеют только полную форму. Нередко относительному прилагательному соответствует подобное же качественное, напр. *Каменный дом* и *Каменистая дорога, Зубной порошок* и *Зубастая щука* и т. д. Относительное прилагательное переходит в качественное, как только мы начинаем видеть в нём не внешний признак предмета, а его внутренний признак, что́ осуществляется путем транспозиции (§ 16); напр., *У него какое-то деревянное лицо*, т. е. не „из дерева", а такое же неподвижное, не меняющееся, как если бы оно было из дерева.

Среди относительных прилагательных особую морфологическую группу составляют притяжательные, которые определяют предмет по его принадлежности, напр., *Отцова шуба; Лебяжий пух.* Одни из них встречаются только в полной форме, другие — только в краткой (но склоняемой).

Счётные прилагательные определяют предмет по порядку, т. е. по месту, занимаемому в ряду подобных предметов, напр., *первый, шестой, сотый* и т. д., но по своему строению ничем не отличаются от обыкновенных относительных, стало-быть, производных прилагательных.

Местоимённые подразделяются на: a) притяжательные: *мой, твой, наш, ваш, свой* (в народном языке встречаются *ихний, ейный, иха* и т. п.; b) усилительные: *сам* и *самый*; c) вопросительно-относительные: *чей, сколько; который, какой, каков,* d) указательные: *этот, тот, сей* (в канцелярском и церковном языке); e) определительные: *весь, всякий, всяк, всяческий, каждый.* — Особое внимание заслуживает местоимение *сколько* (и соответствующие ему *столько, несколько, нисколько*). Оно склоняется, как множ. число прилагательных, напр. *Сколькими днями располагаете вы?* Но в именит. падеже (а нередко и винительном) оно из роли определяющего переходит на положение определяемого (подобно другим словам, обозначающим количество: *мало, много, масса* и т. д), напр. *Сколько у вас книг? Я видел столько* или *стольких людей!* (Ср. § 66).

§ 89. Определение и предикат.

В роли непредикативного определяющего прилагательное согласуется с определяемым в роде, числе и падеже. — Напр. *Горные вершины спят во тьме ночной.*

В роли предиката прилагательное ставится по большей части

в краткой, несклоняемой форме и согласуется в роде и числе. Напр. *Зимняя ночь долга. Зимние ночи долги.* Если же оно стоит в полной форме, то согласуется обычно и в падеже, т. е. ставится в именит. падеже. Напр. *Это кольцо серебряное.* Однако при многих аттрибутивных глаголах прилагательное может стоять и в творительном падеже. — Напр. *Мы нашли его здоровым. Он оказался больным. Он выглядел измученным, невеселым, угрюмым* и т. д. — Предикат в полной форме дает характеристику более относительного и более постоянного характера, напр. *Она весёлая* (всегда), *Он недобрый*; ср. напр. *Она весела, Он не добр.*

Предикативная форма сравнительной степени есть неизменяемая форма, поэтому в нашем сознании она сливается со сравнительной формой наречия. Ср. *Он выглядел угрюмым. Он выглядел еще угрюмее. Он выглядел угрюмо* и *еще угрюмее. Деревья становились все меньше* и *Деревьев становилось все меньше.*

§ 90. Прилагательное — эквивалент существительного.

Прилагательное может замещать существительное во всех его ролях, но тогда в нем самом происходит сдвиг формальных значений: род и число становятся несинтаксическими, а падеж из согласуемого переходит в управляемый. — Примеры. *Битый небитого везет. Все больные уже встали. Прислуга пошла в колбасную. В главном мы с вами согласны, а остальное не важно.*

§ 91. Прилагательное в роли обстоятельства.

Качественное определяющее в фразе тяготеет нередко одновременно и к процессу и к подлежащему. Так, можно почти безразлично сказать: *Радостные, бодрые, выступали мы в поход* и *Радостно, бодро выступали мы в поход.* Ещё явственнее это сказывается при сравнительной степени: *Я была тогда здоровее* (какая я была? или как я была тогда? — оба вопроса возможны).

В некоторых, правда, редких случаях прилагательное выступает определенно в роли обстоятельства и путём сдвига формальных значений переходит в наречие. — Напр. *Он пьет горькую* или *мертвую.* Но в сложении с предлогами такой переход встречается часто. Напр. *напропалую, врассыпную.*

§ 92. Словообразование.

Наиболее продуктивными формантами являются:

-ский: *волжский* < *Волга.*

-истый, -астый (качественные): *гористый* < *гора; зубастый* < *зуб*

-ий (**-ья**, **-ье**) (притяжательные): *кенгурий* < *кенгуру; щучий* < *щука.*

-ный и **-ной** *ударный* < *удар, отрывной* < *отрывать.*

-овый и **-овой**: *слоговой* < *слог; китовый* < *кит.*

-оватый, -еватый (уменьшительные). *беловатый* < *белый; синеватый* < *синий.*

-енький, -онький (уменьшительные и ласкательные). *глупенький* < *глупый; сухонький* < *сухой.*

-ущий, -енный, -ёхонький (увеличительные). *толстущий* < *толстый; толстенный* < *толстый; чернехонький* < *черный.*

Глава VII.

Наречия.

§ 93. Определение наречия.

Наречиями называются обстоятельственные определяющие.

В роли обстоятельства может употребляться любое знаменательное слово. Для этого оно должно потерять свои прежние формальные значения и перестать быть существительным, или глаголом, или прилагательным, сохраняя лишь свое вещественное значение. — Переход в разряд наречий совершается двумя путями: или 1) сдвигом формальных значений (напр. *Поезд летит стрелой. Волосы стоят торчком. Мы шли молча. Он запил горькую*), или 2) путем словопроизводства (напр. *хороший* > *хорошо, геройский* > *геройски; немецкий* > *по-немецки, умоляющий* > *умоляюще, спешить* > *наспех* и т. д.) В последнем случае наречная форманта вместе с тем служит и наречной морфемой для выражения примыкания.

Обстоятельственные определяющие отличаются от прочих определяющих прежде всего тем, что они не согласуются и не управляются, а примыкают, т. е. своим вещественным значением тяготеют к определяемому (обычно к глаголу). — Формальное значение, заключающееся в наречии, есть вместе с тем и его добавочное семантическое значение, — это роль обстоятельственного признака.

Вещественное значение некоторых наречий настолько широко, что они легко и почти что незаметно переходят в разряд служебных слов — предлогов, союзов и т. д.

Качественные наречия могут также служить предикатом в безличных оборотах.

§ 94. Разряды наречий.

Обстоятельственные слова и речения (т. е. лексикализованные группы слов, представляющие смысловое единство) делятся на несколько семантических разрядов, а именно наречия: a) образа действия, b) времени, c) места, d) меры, e) причины, f) цели и g) усилительные. Каждый разряд включает в себя местоимённые наречия, а в разряд наречий меры входят также и счетные наречия.

1. Наречия образа действия являются самым крупным и важным разрядом: почти от каждого прилагательного можно образовать подобное наречие. Наречия, имеющие качественный характер, обладают степенями сравнения. — Примеры: a) местоимённые: *как? каким образом? так, этак, всяко, всячески* и т. д.; b) полнозначные: *хорошо, весело, геройски, умоляюще, по-ученому, по-деревенски, напропалую, налегке, начисто, втайне, тайком, верхом, кругом, плашмя, сознавая, мало-помалу, потихоньку, исподтишка, чуть-чуть, еле-еле, вплотную, вдруг* и т. д.

2. Наречия времени: a) местоимённые: *когда? тогда, всегда, никогда* и т. д.; b) полнозначные: *сегодня, вчера, намедни, третьего-дня, утром, зимою, поздно, рано, после, накануне, пóд-вечер* и т. д. — Наречия *рано* и *поздно* в то же время могут рассматриваться, как качественные, и поэтому имеют степени сравнения.

3. Наречия места: a) местоимённые: *где? куда? откуда? здесь, там, сюда* и т. д.; b) полнозначные: *вблизи, неподалеку, возле, дома, рукой подать, за границей* и т. д. — Наречия вроде *вблизи* и *возле* легко переходят в предлоги.

4. Наречия меры: a) местоимённые: *сколько? столько, только, несколько, нисколько* и т. д.; b) счётные: *дважды, трижды, впятеро, вдесятеро, пó-две* и т. д.; c) полнозначные: *много, мало, маленько, крошечку, масса, помногу, помалу, постолько* или *постольку* и т. д. — Одною из особенностей наречий меры является то обстоятельство, что они по большей части нуждаются в определяющем их существительном, напр. *много хлеба, несколько человек* и тогда могут выступать в фразе в роли определяемых слов; формально — даже в роли подлежащего, напр. *Много людей погибло*, и в роли дополнения, напр. *Он прожил массу денег; Дайте мне капельку молока*

и т. д. С другой стороны, наречия вроде *постольку* легко переходят в разряд союзных речений.

5. Наречия причины: а) местоименные: *почему? отчего? потому, оттого* переходят в разряд подчинительных союзов; b) полнозначные (речения и т. п. словосочетания): *здорово живешь, от нечего делать, спьяна, по глупости, с бухты-барахты, так себе* и т. д.

6. Наречия цели: а) местоимённые: *зачем? для чего? для того, затем* и т. д. — переходят в подчинительные союзы; b) полнозначных нет: цель, как и причина, требуют для своего объяснения целой группы слов, придаточного предложения и т. д.

7. Усилительные наречия: а) *совсем, вовсе, очень, еще* — переходят в усилительные частицы; b) полнозначные: *Он просто полоумный. Как есть дурак. Черным-черно. Валом валит. Гудьмя гудит* и т. д.

§ 95. Наречие-предикат.

Качественные наречия, образуемые от качественных прилагательных, выступают в безличных оборотах в роли предиката. — Напр. *Мне было весело. На дворе холодно. Завтра будет ветрено. Всем стало грустно* и т. д.

Существует группа предикативных наречий, которые употребляются только в роли предиката и не употребляются в роли обстоятельств. — Примеры: *Можно было надеяться, что все обойдётся. Нужно потерпеть. Возможно. Жаль будет мне покинуть эти места. Пора вставать!*

§ 96. Переход наречий в служебные слова.

Местоимённые наречия и некоторые полнозначные легко переходят на роль служебных слов (относительные слова, вводные слова, предлоги, союзы). Это случается всякий раз, как вещественное значение наречия оказывается недостаточно определённым и точным, так что наречие само нуждается в значительных определяющих (несколько особое положение занимают наречия меры; см. § 94). Почти всегда так бывает с наречиями причины и цели.

Примеры: *Он заболел, и потому* (наречие) *не пришёл. Он не пришёл, потому что* (союз) *заболел. Он пришел потому* (относит. слово), *что заболел. — Где* (наречие) *вы живете? Я не знаю, где* (относит. слово) *вы живете. Мы живем тут около* (наречие). *Мы всегда жили около* (предлог) *леса.*

Глава VIII.

Служебные слова.

§ 97. Несамостоятельные слова.

Степень самостоятельности разных слов не одинакова. Самостоятельное понятие — это абсолютное определяемое, подлежащее. Самостоятельному понятию соответствует, стало-быть, существительное в именит. падеже и глагол в форме инфинитива. Прилагательное, поскольку оно не переходит в существительное, не может выражать самостоятельного понятия, так как оно служит определяющим к существительному и предполагает его. Ещё менее самостоятельно наречие, служащее определяющим к словам, которые, по большей части, сами являются определяющими к другим словам.

Тем не менее, всё это полные слова. В них имеется и семантическая сторона и формальные значения, которые, так сказать, „обрамляют" вещественное значение. И все эти слова отделяются от таких слов, которые выражают только отношения между понятиями, и сами не различают внутри себя обоих рядов значений. К подобным словам относятся **предлоги** и **союзы**. Кроме того, для тех же целей выражения отношений между понятиями употребляются и некоторые знаменательные, точнее — полузнаменательные слова, семантическое значение которых настолько широко и неопределённо, что они нуждаются в знаменательных словах в качестве определяющих и определяемых. Таковы местоимённые слова, так наз. **относительные слова**, глагол-**связка** *быть* и некоторые бесформенные наречия.

Большую роль в речи, особенно в речи эмоциональной, играют разного рода **частицы.**

Особое место в фразе занимают **вводные слова.**

§ 98. Предлоги.

Предлоги это бесформенные слова, требующие после себя знаменательного определяющего, с которым они образуют особую синтагму, отличающуюся от обычной внешней синтагмы тем, что ее Т лишено формальных значений. Напр. *в городе*, *над рекой*, *на дачу*, *без семьи* и т. д.

Знаменательность предлога очень понижена и употребляться без определяющего он не может. Если мы и скажем: *Вам как чаю, с лимоном или без?* то мы только не произносим ещё раз слова „лимона"; в нашем же сознании оно присутствует, восстанавливаемое и контекстом и ситуацией. Этим больше всего отличается предлог от наречия. Ср. *Мы живем тут, около* (наречие) и *Мы живем тут около леса* (предлог). Хотя, конечно, резкой грани между предлогами и некоторыми наречиями провести нельзя.

Существительное, стоящее при предлоге, управляется им, и различные предлоги требуют разных падежей. Если же предлог сочетается с наречием или с прилагательным, то он стремится слиться с ними в одно лексическое целое; напр. *Мы отложили все это на завтра; на потом, навсегда, врассыпную, врукопашную, напропалую* и т. п. наречные обстоятельственные образования.

Но, управляя существительным, предлог в то же время может зависеть от других знаменательных слов в фразе и прежде всего от глаголов. Напр. *Наткнуться на* (что-нибудь), *надеяться на* (кого-нибудь), *надежда на* (кого-ниб.), *заступаться за* (кого-ниб.), *отказаться от* (чего-ниб.), *приблизиться к* (чему-ниб.); *подрубить дерево под самый под корень; за ними за всеми разве уследишь?* и т. д., постольку предложная синтагма является дополнительным определяющим. В других же случаях предложная синтагма сохраняет известную самостоятельность и только примыкает к другим словам в фразе. Напр. *Я не могу читать при лампе. Мы с братом учимся в педтехникуме.*

Предлоги могут быть сложными, напр. *из-за реки, из-под земли, по-над рекой*, полушуточное *для-ради праздника;* предложными речениями являются выражения *благодаря (вам), согласно с (распоряжением), вследствие (распоряжения)* и т. д.

§ 99. Союзы.

Союзы это бесформенные слова или речения, устанавливающие (точнее сказать, мотивирующие, конкретизирующие) между членами фразы отношения сочинения и подчинения (см. §§ 32—34).

При сочинении соединяемые члены фразы представляются нам равноценными.—Напр. *Катя читает, а Ваня гуляет. Я приехал, но его уже не застал* — Для сочинения употребляются союзы *и, или, да, а, но, ни.*

При подчинении один из соединяемых членов фразы представляется нам более важным, значительным, главным, а другой— менее значительным, подчиненным. — Напр. *Я не пришел в класс* (главная часть), *потому что был болен* (подчинённая). Если соединяемые члены фразы являются предложениями, то одно называется главным, а подчинённые — придаточными.

Подчинительные союзы подразделяются на.

a) причинные: *так как, потому что, оттого что, вследствие того что, в силу того что* и т. д. Напр. *Спешите, так как уже поздно. Он опоздал, потому что вышел поздно из дому. Он опоздал потому, что поздно вышел.* Как мы уже отмечали (§ 35), народный язык (и даже литературный разговорный) избегает, где возможно, подчинения, напр. *Он опоздал: потому вышел поздно* (с ударением на вышел);

b) цели: *чтобы.* — Напр. *Он торопится кончить учение, чтобы скорее встать на ноги*;

c) следствия: *так что.* — Напр. *Он всю зиму проболел, так что ему трудно нагонять класс. Веди себя так, чтобы все были тобою довольны* (цель и следствие);

d) изъяснительные: *что, чтобы, будто, будто бы.* — Напр. *Опасение, что я вновь заболею, сильно тревожило мою мать. Никто не скажет, чтобы видел его за работой. Простой народ говорит, будто собаки воют к покойнику. Я сказал, что ничего не понял из его рассказа*;

e) пояснительные: *то есть, не то что, не то чтобы, именно, как-то.* — Напр. *Я уезжаю, то есть думаю уехать на будущей неделе*;

f) условные: *если, если бы, кабы, коли, ли, раз, коль скоро.*— Напр. *Если вы хотите, я дам вам эту книгу. Раз это так, то рассуждать не приходится*;

g) уступительные: *хотя, несмотря на то что, пусть, даром что.* — Напр. *Хотя погода и хороша, но к вечеру будет дождь. Он прекрасно учится, несмотря на свое слабое здоровье* (или *несмотря на то, что здоровье у него слабое*);

h) сравнительные: *как, как будто, словно, будто, точно, что, чем, нежели.* — Напр. *Он работает, как вол. Она всегда спешит, как будто куда-то торопится. Чем тут стоять пойдем лучше пройдемся*;

i) временные: *когда, как, как только, меж тем как, с тех пор как, пока, едва, чуть, лишь, только что, прежде чем.* — Напр. *Когда будешь свободен, заходи ко мне. Я подожду, пока ты вернешься.*

Как видно из приведённых примеров, нередко союзу в придаточном соответствует союз в подчиняющем (*если..., то...; когда..., тогда...* и т. д.). Некоторые союзные речения так и составлены, что разбиваются на две части, — одну относимую к подчиняющему члену фразы, а другую относимую к подчинённому (*в следствие того, что*). Ср. что было сказано в §§ 26 и 34 о формальных значениях относительных слов, тоже относимых одновременно к двум членам.

Кроме союзного, бывает подчинение относительное, выражаемое относительными словами, т. е. вопросительно-относительными местоимениями. — Напр. *За чем пойдешь, то и найдешь. Узнайте, откуда он приехал. Я получил книгу, которую вы мне послали.*

Бывают союзные слова, связывающие всю фразу в целом с предшествующим ходом мыслей, и не служащие ни для сочинения ни для подчинения. — Напр. *Итак, мы решили ехать заграницу. Вот почему я позволяю себе побеспокоить вас.*

§ 100. Частицы.

Одни из частиц тесно примыкают к знаменательным словам и даже сливаются с ними (напр. *кое-кто, никто, некто*), другие остаются более свободными и могут даже перемещаться, так как придают известный оттенок значения всей фразе в целом (такова частица *будто бы* в фразе *А он живет будто бы все еще здесь*). Одни из частиц принадлежат к эмоциональному языку, другие к интеллектуальному. — Главнейшие разряды частиц следующие.

Отрицательные частицы: *ни, не́, не, без.* — Напр. *никто, ничто, никакой, никогда, никак, не́когда, не́где, не́куда, не́кого,*

не́чего, не́зачем (употребляемые только в безличных оборотах); *неправда, нехороший, нехорошо; беззаботный, безделье, беспокойный.*

Частицы, придающие значение неопределённости: *-то, -либо, -нибудь, -угодно, -кое; не-*—Напр. *кто-то, что-то, какой-то, чей-то* (и т. д. от всех вопросит. местоимений); *кто-либо, когда-либо, где-либо* и т. д.; *кто-нибудь, чей-нибудь, как-нибудь,* и т. д.; *что-угодно, как-угодно* и т. д.; *кое-что, кое-где* и т. д. — В книжном языке встречаем неопределённые местоимения *некто, нечто, некий, некогда (= когда-то).*

Усилительные частицы: *-ка; -то, даже, ведь, же, вот, еще* и т. д. — Напр. *Иди-ка сюда. Я-то его знаю, а вот знаете ли вы его. Ведь ты же понял ту задачу, — поймешь и эту.* Усилительное *ни*; напр. *Сколько ни говорили; Куда ни кинь, везде клин.*

Вопросительные: *ли, разве, неужели* и т. д. — Напр. *Не знаю, увижу ли я вас. Неужели вы уезжаете?!*

Частицы, вносящие оттенок недоверчивости: *будто, будто бы, якобы, бы.* Подобные частицы употребляются, когда нужно выразить недоверие или сомнение по поводу передаваемых чужих утверждений. — Напр. *Повадился тут к нам один. Ходит и все рассказывает. Он будто на службе был. Да наклеветали будто на него* — и т. д.

Частицы, вводящие чужую речь: *де, дескать, мол, говорит.*

§ 101. Вводные слова.

Вводные слова не являются собственно служебными словами. Они выражают мнение автора, его оговорку, его оценку, напоминание о том, что он цитирует чужие слова и т. д. Для этой роли употребляются как отдельные знаменательные слова, так и целые предложения, а также и частицы, вроде *де, дескать, мол, говорит,* („*грит*“) и т. д. Вводные слова не связаны грамматически с фразой, но, так сказать, вклиниваются в нее, что и передаётся особой интонацией „внесения“ (см. § 35). — Чаще всего встречаются: *конечно, однако, ей-богу, слава богу* („*слаубоу*“), *вишь, знаешь, знать, кажется, повидимому, я думаю, может-быть, должно-быть, будто, говорят, по моему мнению, право, пожалуйста, к несчастью* и т. д.—„Вводными“ могут быть, как мы уже знаем, и целые предложения.

Глава IX.

Звуковое строение речи.

§ 102. Звуковая сторона слова.

Звуковое строение, иначе звуковая форма, слов бывает двух родов.

В одних словах мы усматриваем между значением и звуковой формой известную связь, напр. *жужжать*, *кукушка*, *бац! кукареку!* и т. д. В других случаях мы не находим никакой связи между звуковым строением слова и его значением, так, напр., предмет „*лес*“ можно было бы назвать совсем по-иному, ибо сочетание звуков *л-е-с* простая этикетка (см. § 10).

Звукописующих слов больше всего среди междометий: *бац. хлоп!* и т. д., сюда же нужно отнести и такие звукоподражания как *мяу-мяу*, *ку-ку*, *тьфу!* и т. д. Среди служебных слов (предлогов, союзов и частиц), а также среди местоимённых и счётных— звукописующих слов, конечно, нет. У знаменательных слов звукописующим может быть только корень, а форманты и морфемы всех видов имеют звуковое строение не мотивированное и наделены только дифференциальной значимостью (см. §§ 49, 50 и 47), напр. *жужж-ать*, *жужж-анье*, *жуж-елица*, *кук-овать*, *кук-ушка* и т. д

§ 103. Роль звукописующих слов в речи.

Эмоциональная речь, которая стремится живописать и вообще действовать на наше воображение, широко пользуется всякого рода выразительными, „экспрессивными“ словами, в том числе и словами звукописующими (см §§ 10 и 11). Напр.—

— *Какой ты фуфлыга! У-у! Э-э!— передразнивал Ежов медленную речь Фомы.*

— *Эх ты, карамара.*

— *Бежит Сенька, юфают по ветру рукава и подол его рубахи.*

Интеллектуальная речь подобных звукописующих слов по возможности избегает, так как её задание — это как можно точнее определить, а для этой цели лучше всего подходят слова-этикетки (см. §§ 10 — 13). Если в подобной речи и встречается слово сколько-нибудь живописующего характера, то говорящие воспринимают его как простое слово-этикетку. В эмоциональной речи наоборот: говорящие склонны устанавливать звуковую мотивированность даже там, где ее обычно и нет. Ср. анекдот про мужика, который говорил: *Не даром бог назвал свинью „свиньей": свинья и есть.*

§ 104. Звукоподражание.

Звукописующие слова бывают двух родов. — Одни из них подражают характерным звукам, связывающимся в нашем представлении с тем предметом или действием, о котором идет речь; напр. *кукушка, бацнуть, бац! кукареку!* и т. д. Другие же никаким звукам не подражают, но их звуковое строение чем-то напоминает нам (особенно в эмоциальной речи) тот предмет или то действие, для которых они служат названием, таковы, напр., *карабкаться, кувырком, спотыкаться, фефела, фуфлыга, карамора,* даже слово *двигать* иногда нам представляется звукописующим, ср. загадку „Бегал, бегал куманёк, да *двиг* в уголок" (Веник).

Но если звукописующее слово и подражает каким-нибудь звукам, то воспроизводит оно их только очень приблизительно. Так, напр., жук производит своими крыльями некоторый шум, который мы звуками нашей речи обозначаем очень приблизительно как *жж...* Петух вовсе не „кричит" *кукареку* (напр француз передает его крик через *cocorico,* а немец через *kikiriki*); кукушка не „поет" *ку-ку*; вода, вливающаяся в бутылку, не „говорит" *буль-буль-буль.* Это мы так переводим звуки и шумы внешнего мира на звуки нашей речи.

§ 105. Звуки речи.

Звуки нашей речи отличаются от прочих звуков и шумов прежде всего тем, что они не являются собранием отдельных, изолированных и случайных звуков. Звуки нашей речи связаны в единую систему (фонологическая или фонетическая система), и далеко не всякий звук, который могут произвести органы нашего говорильного аппарата, входит в эту систему. Так,

напр., мы можем приблизительно воспроизвести звук откупориваемой бутылки, но этот звук к звукам речи не относится; прищёлкивание языком может служить для выражения чувства сожаления, однако, это изолированный единичный случай употребления подобного звука, и в систему звуков речи он не входит; наконец, в произношении образованных классов встречаются иностранные слова, выговариваемые на иностранный лад, напр. *бюро, брошюра, pardon* и т. д., — эти чужие звуки также не принадлежат к системе звуков русского языка.

§ 106. Звуковые законы.

Когда мы говорим, что звуки речи образуют „систему", это значит, что они связаны между собою по определённым фонетическим законам, т. е. последовательность звуков, их сочетания, их смена и т. д. происходят в определенном порядке.

Важнейшие фонетические законы, действующие в современном русском языке, это — 1) соотношение звонких и глухих согласных, 2) смягчение согласных и 3) редукция неударяемых гласных.

§ 107. Соотношение звонких и глухих.

В словах *вбить* и *всадить* одна и та же приставка, изображенная на письме через „в", звучит по-разному: в первом случае, как *в*, а во втором, как *ф*, т. е. в первом случае перед нами звонкий согласный, а во втором — глухой. Почти каждый согласный имеет эти обе разновидности — звонкую и глухую.

Звонкие: *б, в, г, д, ж, з, л, м, н, р, γ*, -, -, -, *j*.

Глухие: *п, ф, к, т, ш, с*, -, -, -, -, *х, ц, ч, щ*, -.

Звонкие и глухие чередуются согласно следующим законам.

1. В конце слова перед паузой может находиться только глухой звук. — Напр. ср. *грибы* и *гриб* (= грип), *сады* и *сад* (= сат), *ножи* и *нож* (= нош) и т. д.

2. Перед глухим может находиться только глухой же. — Напр. ср. *вбить* и *всадить* (= фсадить), *гвозди* и *гвоздь* (= гвость), *грузди* и *гвоздь* (= грусть) и т. д.

3. Перед звонким (исключая *в*, а также *л, м, н, р* и *j*) может находиться только звонкий же. — Напр., ср. *стащить* и *сбить* (= збить), *отпилить* и *отбить* (= адбить) и т. д. Но *свет, класс, отъезд* (= атjест) и т. д.

Примечание 1. Звонкий, соответствующий глухому *х*, не имеет особой буквы (в науке его изображают греческой буквой „γ“) и обозначается через „*г*“; в литературном произношении звук этот встречается очень редко; напр. *бога* (ср. *бог* = „бох“), *господь*, *легок*, *всегда*, *где* и т. д.

Примечание 2. Звук *j*, обозначающийся на письме поразному *(май, яма, ель, вьюга* и т. д.), тоже может слегка заглушаться (ср. *пойду* и *пойти*), но на письме это не отмечается. Звонкие *л, м, н, р* почти не заглушаются (хотя в *„Петр Петрович“* первое *„р“* глухое; *рубль* произносится *„руп̀ь“* и т. д.).

Примечание 3. Глухие *ц, ч* и *щ* переходят в звонкие в положении перед звонкими же, но подобное положение для *ц, ч* и *щ* чрезвычайно редко и бывает только при встрече слов; напр. *отец был* звучит „атедзбыл“; *дочь больна* звучит „доджьбальна“ и т. д.

§ 108. Смягчение согласных.

Конечный согласный в словах *кон* и *конь* звучит в первом случае твёрдо, во втором мягко. Почти все русские согласные имеют обе разновидности — твёрдую и мягкую, но степень смягчения бывает не одинаковая у всех согласных. Так, разница между твердым и мягким *л* нам представляется чрезвычайно значительной (ср. *мол* и *моль*), тогда как в некоторых индивидуальных произношениях мы почти не улавливаем смягчения *б* в *бью* или же, напротив, имеем одинаковую твёрдость или одинаковую и незначительную смягченность звука, как, напр., *в* в словах *въехать* и *вьюга*. — В науке смягчение согласных принято обозначать значком ʹ.

Согласные *ж*, *ц* и *ш* всегда твёрдые: *рожь* произносится „рош“; *мышь* = „мыш“ (Исключением является встречающееся (главным образом, в московском говоре) произношение *дождик* и *извощик* как „дожжик“, „извошшик“ с долгими и смягченными *ж* и *щ)*.

Согласные *ч* и *щ* всегда мягкие: *плач* произносится „плачь“, *плащ* = „плащь“.

Некоторые гласные могут сочетаться только с твёрдыми, другие только с мягкими предшествующими согласными.

a) Перед *ы* может находиться только твёрдый согласный.

b) Перед *и* может находиться только мягкий согласный.

Примечание 1. Можно рассматривать *ы* и *и*, как разновидности одного и того же гласного: они соотносительны и заменяют друг друга в зависимости от положения в речи. Напр., *в избу* произносится „*вызбу*“, *с* + *играть* даёт *сыграть*. Поэтому хотя мы и пишем *жир, шить, цирк,* но произнести можем только „жыр“, „шыть“, „цырк“.

с) Перед *е* может находиться только мягкий согласный, исключая *ж, ц* и *ш.* — Напр., ср. *дом* и *в доме*(=„вдом'е“); но *жена, шея* и т. д.

Примечание 2. В иностранных словах, сохраняющих чужеземное произношение, согласные не смягчаются; в подобных словах звук *е* нередко передаётся на письме буквой „*э*“, напр., *Стэнли, Кондэ, пэр Франции, лорд-мэр, кафэ, резюмэ.*

Смягчённый согласный обыкновенно несколько смягчает и предшествующие согласные; напр., *вбить* (=в'б'ит'), *гвозди* (=гвоз'д'и), *смерть* (=с'м'ер'т').

§ 109. Редукция гласных.

Сравнивая слова *дом* (дом), *домой* (=дамоj) и *домовой* (д^мавоj), мы замечаем, что гласный первого слога в этих родственных словах звучит по-разному. В первом случае это *о*, во втором *а*, в третьем же это глухой звук, отдалённо напоминающий *ы* и который мы условимся обозначать через ^. Подобное изменение гласного обусловлено его положением по отношению к ударению в слове и носит название **редукции гласных**, а глухой звук ^ называется редуцированным гласным.

Разные слоги артикулируются не с одинаковою силой, т. е. выговариваются не одинаково энергично; это особенно сказывается на гласных, — отсюда и явление редукции. Произнося ударяемые гласные, органы нашего говорильного аппарата работают более энергично, при произношении же неударяемых они делают меньшее усилие, находятся в положении несколько ослабленном. Можно приблизительно различать три степени интенсивности артикуляции. Обозначим их цифрами 3, 2 и 0. Напр.,

0 2 3 0

барабаном.

Наиболее интенсивна артикуляция гласного в ударяемом слоге — 3; она несколько слабее в предударном — 2; в прочих слогах она совсем слабая — 0 [1]).

В позиции 3, т. е. под ударением, могут быть **все** гласные. — Напр., *дом, вал, жар, час, пять* (= п'ат'), *яд* (= jат), *лес, мир, пыль, сук* и т. д. — даже редуцированный звук встречается, хотя и чрезвычайно редко, под ударением; так напр., в возгласе *Эх, чтоб тебя!* мы произносим второе слово „шт^п".

В позиции 2, т. е. в предударном слоге, не может быть *о*; прежнее *о* переходит в *а*, ср, напр., *дом* и *дома́* (= дама́) или *домой* (= дамоj); кроме того, после смягчённых согласных, а также после *j, ж, ц* и *ш* не может находиться *а*, прежнее *а* в подобных случаях переходит в *е* [2]); ср. *час* и *часы* (= ч'есы), *пять* и *пятак* (= п'етак); *яд* и *яды́* (= jеды), *жар* и *жары* (= жеры).

В позиции 0, т. е. в неударяемых слогах, могут находиться: ^ (редуцированный гласный), *и/ы* тоже заглушённые и *у* также очень ослабленное. Редуцированный гласный после твердых согласных несколько напоминает *ы*, а после смягчённых и *j* несколько приближается к *и*. — Напр. *домовой* (= д^маvоj), *пятачок* (= п'^тач'ок), *часовой* (ч'^савоj), *ядовитый* (= j^дав'итыj) *дымовой* (дымавоj), *хорошо* (х^рашо), *барабаном* (б^рабан^м), *мировой* (= м'иравоj), в *поле* (фпол'^), *ру́жья* (= ружj^), *укрыватели* (= укрыват'^л'и), *армячишко* (= ар'м'е-ч'ишк^) и т. д.

Схема редукции гласных.

Позиция 3	**о**	**а**	**е**	**и/ы**	**у**
Позиция 2		а	е	и/ы	у
Позиция 0			^	и/ы	у

§ 110. Ассимиляция.

Прочие фонетические законы имеют более частный характер и более узкое поле применения, но в то же время некоторые из них отличаются чрезвычайною сложностью. Здесь мы отметим

---

[1]) Несколько усиливается она для начальной гласной слова (после паузы) 1 2 3 0 0
напр., *укрыватели*.

[2]) А в некоторых произношениях (в московском говоре особенно) в *и*: *часы* = ч'исы), *пятак* (= п'итак).

только ассимиляцию (или уподобление) свистящих согласных шипящим.

Находясь перед шипящими, свистящие уподобляются им. Так *с* + *ж* или *з* + *ж* дают *жж* (т. е. долгое *ж*), напр., *сжечь* (= жжечь), *изжарить* (= ижжарить); *с* + *ш* дает *шш* (долгое *ш*), напр., *сшить* (= шшить); *с* + *ч* > *щ* (= ш'ч'), напр. *исчерпать* (= ищерпать) и т. д.

§ 111. Образование звуков речи.

Звуки речи образуются деятельностью органов нашего говорильного аппарата.

Каждый звук речи складывается из четырех моментов: 1) выдыхание, 2) артикуляция органов в полости рта, 3) вибрация (колебание) голосовых связок или отсутствие таковой и 4) наличие или отсутствие носового резонанса.

1. Выдыхание является постоянным моментом. Без выталкивания воздуха из легких не образуется ни одного звука русской речи.

Примечание 1. Пощелкивание языком для выражения сожаления (см. § 105) образуется без выдыхания, но этот звук не входит в состав русской фонологической системы.

2. Артикуляция, ее характер, т. е. то, какими органами она производится и в каком пункте полости рта, является чрезвычайно важным моментом в различении звуков речи.

По артикуляции различаются: губные (**б**, **п**, **м**), губо-зубные (**в**, **ф**), зубные (**д**, **т**, **з**, **с**, **н**), небо-зубные (**ж**, **ш**), средне-небные (**j**), задне-небные (**г**, **к**, **γ**, **х**), язычные (**л**, **р**). Несколько менее важна артикуляция при образовании звуков **и**, **ы**, **е**, ^, при произношении которых губы слегка растягиваются, и звуков **о** и **у**, для образования которых губы несколько округляются и вытягиваются вперед; наконец, звук **а** образуется очень мало заметным движением задней части языка в направлении к средней части неба.

3. Вибрация голосовых связок наблюдается при образовании звонких: **б**, **м**, **в**, **д**, **з**, **н**, **ж**, **j**, **г**, **λ**, **л**, **р**, и так назыв. „гласных“: **и**, **ы**, **е**, ^, **о**, **у**, **а**. Если она отсутствует, получаются глухие звуки.

4. Носовой резонанс, образуемый направлением струи воздуха через носовую полость, наблюдается только при произношении **м** и **н**.

§ 112. Классификация звуков.

Но сближением каких бы органов ни образовывались звуки, необходимо различать степень этого сближения. Так, напр., сближение бывает полным при образовании **б** и **п**, органы (в данном случае — губы) смыкаются и струя воздуха из лёгких как бы разрывает это смыкание. С другой стороны, при образовании **а** сближение органов (задней части языка и среднего неба) минимально. Можно приблизительно различать семь степеней „раствора“ органов в полости рта, от нуля (полное смыкание — **б**, **п**) до 6, т. е. максимального раствора (звука **а**).

Располагая звуки русской речи по степени раствора органов при их образовании, получаем следующую классификацию.

0. Губные: **п**, **б**, (**м**). — Зубные: **т**, **д**, (**н**). — Задне-нёбные: **к**, **г**.

1. Губо-зубные: **ф**, **в**. — Зубные: **с**, **з**. — Нёбо-зубные: **ш**, **ж**. — Средне-нёбные: **j**. — Задне-нёбные: **х**, **γ**.

2. Сюда, собственно говоря, относятся носовые: **м** и **н**, так как при полном смыкании органов в полости рта, воздуху из лёгких открывается проход через полость носа.

3. Язычные: **л**, **р**.

4. Верхние (т. е. очень большого подъёма языка к нёбу). Передне-нёбный **и**. — Средне-нёбный **ы**. — Задне-нёбный **у**.

5. Средние (т. е. уже меньшего подъёма). Передне-нёбный **е**. — Средне-небный **^**. — Задне-нёбный **о**.

6. Нижние (т. е. наименьшего подъёма). Задне-небный **а**.

Примечание 2. Как бы ни был высок подъём языка при образовании последних трёх классов звуков, так назыв. „гласных“ (особенно в классе 4), сближение органов всё-таки гораздо меньше, следовательно „раствор“ гораздо больше, чем при образовании звуков первых трех классов, т. е. так называемых „согласных“. — Класс 3 — „язычные“ или „плавные“ — занимает как раз промежуточное место между гласными и согласными.

Примечание 3. Звуки **ц**, **ч** и **щ** являются „слитными“, т. е. образуются сложной двойной артикуляцией: **ц** = тс; **ч** = т′ш; **щ** = ш′ч′.

Не нужно забывать, что в речи звуки не встречаются изолированно, но всегда связаны в звуковую цепь, и соседние звенья цепи влияют друг на друга. Так, напр., мы уже видели, что сочетания *с+ж>жж*, *с+ш>шш* или *ж+и>жы* и т. д. Разнесённые по классам и распределённые по клеточкам, звуки существуют только в теории, на практике же они постоянно передвигаются (напр. смягчение *х* в *хижина* передвигает этот звук в класс „средне-нёбных", так же передвигается *г* в *гибель*). В зависимости от того, в какой звуковой комбинации они встречаются, а также в разных говорах и в индивидуальных произношениях, видоизменение артикуляции может быть очень значительным.

§ 113. Фраза и слово.

Мы видели (§ 111), что выдыхание есть непременное условие русских звуков речи. Рассматривая фразу с этой стороны, мы должны сказать, что она представляет собою струю воздуха, выталкиваемого из легких. В неторопливой речи за фразой естественно следует пауза, необходимая для того, чтобы можно было „перевести дух", т. е. набрать в легкие новый запас воздуха. Во время этой паузы органы говорильного аппарата бездействуют, находятся в состоянии покоя. В речи спешной пауз между фразами не выдерживают, по нескольку фраз произносится „за один дух". Тем не менее, между двумя соседними фразами органы говорильного аппарата приводятся в состояние покоя и интонация отмечает этот момент. — Внутри фразы могут быть нарочитые смысловые паузы, точнее — полупаузы (§§ 3 и 5). Но речь эмоциональная, взволнованная нарушает естественные границы фразы и всё высказывание превращает в ряд более или менее самостоятельных кусочков, выражающих чувства, а не мысль.

Полупаузы не служат для разделения фразы на слова. В речи слова не отделяются, но и не разрываются на части паузами. Они произносятся слитно. Поэтому малограмотные люди очень затрудняются, когда им приходится делить на письме речь на слова. В нашем сознании мы выделяем слова по смыслу, на основе формальных значений, которые позволяют различать части речи. Но эта операция предполагает развитую отвлеченную мысль. Кроме того, если слово нам незнакомо, мы затруднимся расчленить в нем семантическую и формальную стороны.

Вот несколько примеров того, как дети разграничивают незнакомые слова на письме. Не зная слова Валдай, ученик пишет под

диктовку: „И колокольчик, *дарвалдая,* звенит уныло под дугой", полагая, что перед ним деепричастие от глагола „дарвалдать". В другом подобном случае написали: „На нем *флюгеране* шумят"; ученик, незнакомый со словом флюгер, решил, что речь идет о множ. числе от существ. „флюгеранин". Еще один ученик, не вдумавшись в смысл диктуемого, написал „Дремлет *под лепечки*", повидимому, представляя себе, что речь идет о чем-то вроде лепета, как напр. можно сказать „дремлет под лепет, под жужжанье и т. д.".

§ 114. Фраза и слог.

Струя воздуха, на которой покоится фраза, всё время „перехватывается" смыканием органов, артикулирующих звуки речи. В звуковой цепи чередуются звуки разных степеней раствора (см. § 112). От одного звука значительного раствора до следующего звука большой степени раствора (проще: от одной гласной до другой) струя воздуха перехватывается смыканием органов, артикулирующих звуки меньшей степени раствора (т. е. согласные). Таким образом звуковая цепь членится на *слоги,* от размыкания до ближайшего смыкания.

В полном слове количество слогов цельное; служебные же слова могут и не образовывать сами по себе слога, но сливаться с полными словами, напр. *в доме* (= вдо-ме), *ся* > *сь*: *взялась* (= взялась), *ли* > *ль*· *слыхали-ль вы?* и т. д.

Слог складывается из четырех моментов: a) длительность, b) высота или тон, c) интенсивность и d) тембр. Первые три могут изменяться количественно, т. е. быть больше или меньше, и слог может быть долгим или кратким, высоким или низким, ударным или безударным, всё в большей или меньшей степени. Тембр слога меняется качественно и зависит от того, какие органы говорильного аппарата принимают участие в его артикуляции.

Долгота и краткость слога в русском языке не имеют значимости вне эмоциональной речи: интеллектуальный смысл слова, его семантические или формальные значения не изменяются от различий в длительности слогов. Тон слога имеет значение также только в эмоциональной речи, в восклицаниях и в словечках, поскольку они становятся как бы самостоятельными фразами. Смотря по тому, как мы произнесем *ну*, мы выразим подбадривание, грубое понукание, недоверие *(ну-у?)* и т. д.; ср. произношение союза *и* и междометия *и,* напр. *ии... батюшка* и т. д. Но опять-таки

в слове различия в тоне слогов не имеют интеллектуальной значимости.

Различия в интенсивности играют значительную роль и в смысловой стороне слова. В каждом слове есть один ударный слог (в составных бывает ещё и вторичное ударение, напр. *четырёхугóльный*), вокруг него группируются прочие слоги, и слово связывается в единое звуковое целое. И мы знаем (см. § 109), насколько строение слова, состав его гласных звуков, зависит от положения слогов по отношению к ударению. Перемещение ударения нередко служит подсобной морфемой и даже формантой, ср. напр. *замóк* и *зáмок, узнáю* и *узнаю́, пáруса* и *парусá, крýгом* и *кругóм* и т. д.

Но фраза наделяет слоги различной длительностью, тональностью, интенсивностью и, комбинируя эти различия с полупаузами, создает поверх слов ритмико-мелодическую фигуру, т. е. интонацию, играющую, как мы уже знаем, чрезвычайно важную роль в речи (см. §§ 3—5, 11—12, 32—35, 52, 62, 64, 82, 99—100).

Но все количественные особенности слога, его длительность, тональность и интенсивность, предполагают существование качественной стороны слога, — его тембра.

§ 115. Слог и фонéма.

Как в музыке одна и та же нота, одной и той же длительности и интенсивности, „окрашивается“, т. е. звучит по-разному, смотря по тому, каким инструментом она издана, так и основной характер слога зависит от того, какие органы нашего говорильного аппарата участвуют в его артикуляции. На этих различиях, воспринимаемых слухом, построены и смысловые различия в языке, т. е. прежде всего, внутри слова: различение разнообразных значений, которые образуют слово и которыми слова разнятся друг от друга.

Но не все артикуляционные различия внутри слышимого слога доходят до нашего сознания. Так, напр., в слове *шест* звук *е* „открытый“, а в слове *шесть* он „закрытый“. В некоторых языках это различие играет смысловую роль [1]), у нас нет, и эти слова различаются не своими *е,* а твёрдостью *ст* в первом и мягкостью

[1]) Так, напр., французское слово prés (лужайка) отличается от près (возле) именно тем, что в первом *е* закрытое, во втором — открытое.

с' т' во втором. Звуковые единицы, играющие в данной фонологической системе различительную роль, называются *фоне́мами*. Твердость и мягкость согласной — это фонемы, а, напр., различение *и/ы* не фонема, так как это одна и та же фонема *и* только в разных условиях: после мягкой или после твердой согласной, отдельного *ы*, вроде *и* союза или междометия, в русском языке нет.

Таким образом, для нашего языкового сознания, слог распадается на фонемы, т. е. такие звуковые единицы, которые играют смысловую дифференциальную роль в словах. Отметим попутно, что внутри слога все фонемы, образующие его, не являются равноценными. Длительность, тональность и интенсивность слога опираются на фонему наибольшего раствора и напр. их не может иметь *б* или *т,* фонемы нулевого раствора. Эта „звучащая" точка слога называется сонантой, в отличие от „консонант", т. е. фонем, не несущих вовсе или несущих в меньшей степени количественные особенности данного слога. Понятно, что в роли сонант выступают обычно гласные (раствор 4, 5, 6), реже плавные *л, р* (раствор 3), но могут выступить и носовые *м, н* (раствор 2); а быть длительными, но не сонантами могут и *ф, в, с, з, ш, ж, х,* γ (раствор 1). Так, напр., в *марива́нна* (Мария Ивановна) *н* является сонантой и образует сам по себе слог „ма-ри-ва-*н*-на"; в чешском слове *vlk* (волк) *л* будет тоже сонантой, и т. д.

Глава X.

Письмо и орфография.

§ 116. Письмо идеографическое.

Письменная передача речи может итти двумя путями: пишущие будут стремиться передать при помощи графических (начертательных) знаков самую мысль, т. е. смысловую сторону речи, независимо от ее звуков, или же именно эту звуковую сторону. Письмо первого рода называется идеографическим, второе можно назвать звуковым или, точнее, фонологическим.

Если нужно обозначить лес, можно нарисовать несколько деревьев; вместо солнца можно изобразить кружок и лучи вокруг; пожимающие одна другую руки будут обозначать дружбу, а расставленные ноги — ходьбу и т. д. Так передавать можно, конечно, лишь самые несложные мысли, опирающиеся на конкретные представления. Для отвлеченной мысли годятся только условные знаки. Подобного рода письмо было в ходу у египтян. Однако, чем дальше развивалась их культура, тем больше к подобным рисункам примешивалось условных знаков для выражения отвлечённых понятий и отношений между понятиями. В то же время и самые рисунки становились все схематичнее и условнее, так как ведь нельзя допускать, чтобы каждый изображал лес, дружбу и т. п. посвоему, как ему кажется лучше, тогда стало бы невозможным понимать друг друга.

Всякое письмо, поскольку оно обслуживает общество, т. е. людей разных, должно пользоваться знаками обязательными и равнозначащими для всех, т. е. условными. Знаки „натуральные“, мотивированные, всегда будут более или менее субъективными (см. § 10), и каждый будет понимать их посвоему; необходимы знаки-этикетки.

В современной жизни „натуральным“ графическим знакам принадлежит очень малая роль. Это почти исключительно рисунки

реклам, вывесок: часы = часовой магазин, указательный палец = = вход; крестик перед собственным именем означает, что лицо это умерло; разорванные цепи, изображенные на каком-нибудь плакате, напоминают о сброшенном рабстве и т. д. и т. д. К письменной речи этот язык натуральных знаков не имеет никакого отношения.

§ 117. Письмо фонологическое.

Изобразить звук, конечно, нельзя, и фонологическое письмо всегда условно. Его задание в том, чтобы каждому смысловому различию, сопровождающемуся различием звуковым, отвечало бы и письменное различие. Такое письмо стремится, следовательно, передавать не звуки, а фонемы, т. е. звуковые различия, имеющие смысловое значение. Весь вопрос в том, что́ в данном языке является фонемой.

В китайском языке каждое слово имеет свой особый и очень замысловатый знак. Знаков этих чрезвычайно много, и образованный человек должен знать их до 40.000 Каждое слово состоит из одного слога. Китайские слова не спрягаются и не склоняются. Формальными элементами (см. § 27) служит порядок слов в фразе, а также особые „пустые слова", вроде наших служебных слов, — носители формальных значений Очень большую роль играет тональность слога; различается до четырёх тонов, и с изменением тона меняется и смысл слова. Таким образом, отдельный звук (китайские слоги состоят из двух или трех звуков) в китайском языке не служит фонемой, тогда как слог, напротив, является различительной единицей и смысловой и звуковой.

Иного рода письмо у семитов (древних евреев, арабов): пишутся только согласные в слове, вроде напр *кпт* (вместо „купить", „окупить", „купите" и т. д.). В этих языках корень и тема совпадают (см. §§ 47—50) в том смысле, что во всех словах одной семьи и во всех формах этих слов согласные остаются неизменяемыми и у каждой семьи своя группа согласных (их обыкновенно три), а формальные и классные семантические значения различаются благодаря вставляемым гласным. Ср. (конечно, очень приблизительно) *купит, окупит, купите* и т. д; причём у нас возможны и *копит*, и *кипит*, и *копыто*, т. е. слова совсем других семей, в семитических же нет. Таким образом, здесь прежде всего противополагаются согласные гласным, затем группа согласных, представляющая корень всей семьи и всех форм её слов, будет вместе с тем и единицей смысловой и звуковой.

Древние греки создали азбучное письмо, которое и распространилось почти по всему миру. В греческом, как и в других индоевропейских языках, фонемой, т. е. различительной единицей, является не слог, а элементы его тембра, — отдельные звуки и их разновидности. Каждый знак азбуки, — буква, — должен в идеале соответствовать отдельной фонеме и, следовательно, каждая фонема должна иметь свой письменный знак — букву.

§ 118. Русская орфография.

Единицами русского письма являются буквы, и на письме слово состоит из букв. Однако, полного соответствия между буквами и фонемами нет.

В словах *стол* и *вода* буква *о* соответствует двум разным фонемам (стол, вада); в слове *я* одной буквой передано две фонемы (ja), а в словах *яма* и *няня* та же самая буква имеет три различных значения (jam^, n'an'^). Напротив, в словах *лук* и *люк* фонема „у" (лук, л'ук), обозначена двумя разными буквами, а различные „л" (твердое и мягкое) имеют один и тот же знак; наконец, отличие мягкого „л" в *моль* от твердого в *мол* передано добавочною буквою *ь*.

Существует, следовательно, ряд правил, устанавливающих соотношения между буквами алфавита и фонемами. Эти правила составляют то, что называется правописанием или орфографией.

Главные особенности русской орфографии заключаются в непрямом обозначении смягчения согласных и в разнообразных способах обозначения фонемы „j". В том и другом случае наше письмо является в значительной степени слоговым. Третья особенность русской орфографии в том, что она имеет морфологический характер и не считается с изменениями звуковой стороны слова под влиянием законов редукции гласных, чередования звонких и глухих и ассимиляции свистящих.

Но не нужно забывать самого важного принципа всякого письма. Написанное читается глазами. Письмо не задается целью указывать и точно передавать произношение. Письмо хорошо тогда, когда читающий сразу, с первых же букв понимает слово, не произнося его.

§ 119. Смягчение согласных на письме.

Если бы смягчение согласных имело характер механический, т. е. происходило бы исключительно под влиянием последующего звука, то оно не имело бы и смысловой значимости. Тогда его

незачем было бы отмечать, как, напр., мы не отмечаем мягкость *н* в *несу*, так как перед *е* согласный всегда смягчается (см. § 108). По тем же причинам мы не отмечаем, что в словах *шесть*, *пять*, *конь*, гласный закрытый (см. § 115): все гласные в нашем произношении закрываются перед мягкой согласной, смысловой значимости этот факт не имеет

Если бы только одна какая-нибудь согласная встречалась и в твердом и в мягком виде, можно было бы создать два особых знака. Если же все согласные имеют обе разновидности, достаточно иметь один знак, напр. для твердой разновидности, и обозначать смягчение, видоизменяя знак. Но в русском языке различаются разные случаи и разные степени смягчения. Механическое смягчение перед мягкою же согласной или перед j значимости не имеет, а потому не всегда и ощущается, так, напр., слово *смерть* произносят и „с'м'е'р'т'" и „см'ер'т'", тоже *бью, въехать*. Обозначать подобное смягчение и невозможно и не к чему. Вот почему русское письмо передаёт смягчение согласных очень сложными и притом косвенными способами и то только там, где оно имеет смысловую значимость, или где оно очень сильно сказывается в произношении.

На конце слова, после мягкой согласной ставится *ь*, напр. *руль, конь, рать* (ср. *стул, закон, кот*). — Но после *ч* и *щ* в словах мужского рода *ь* не пишется, напр. *калач, горяч, товарищ, могущ*, напротив, в именит. падеже существительных женск. рода *ь* пишется обязательно и после *ж* и *ш*, напр. *рожь, мышь;* точно так же во 2-м лице ед. ч. в спряжении *говоришь, несешь*.

Перед гласными смягчение согласного обозначается косвенным путем, а именно особым написанием гласной буквы: вместо *а, о, у, э, ы* пишутся *я, е, ю, е, и*. Напр. *наша няня; нос, нес; стук, тюк; тын, тина*; *мэр, мера*. — Но орфографический обычай требует, чтобы после *ч* и *щ* всегда писались *а* и *у*, напр. *чаща, чудо, щука;* после *ж* и *ш* очень часто пишут *е* вместо *о*, напр. *жёлтый, пошел,* после *ч* иногда пишется *о*, напр. *чорт, чолка,* после *ж* и *ш* всегда пишут *и*, напр. *жир, ширь, э* пишется только в некоторых иностранных словах, чаще пишут *е*, напр. *тембр* (вместо *тэмбр*); в русских словах согласная перед *е* всегда смягчается, кроме *ж* и *ш*, однако, орфографический обычай требует, чтобы и здесь писалось *е*, напр. *жесть, шесть*. — Буква *е*, к сожалению, редко употребляется, и обыкновенно предпочитают писать *нес, черный, пошел, желтый, все* (т. е. *все* и *все*) и т. д.

Перед согласным мягким смягчение обозначается только

для *л* при помощи *ь*, напр. *мельник;* перед твердым согласным могут смягчаться только *н, л* и *р*, что и обозначается *ь*, напр. *Колька, горько, конькобежец.*

§ 120. Написание j.

В конце слога пишется *й*, напр. *чай, чайка, койка, чуйка, Вий.*

В начале слога, после гласного. Перед *е* не пишется, но буква *е* тогда обозначает слог „je", напр. *ель, приехать;* тоже перед *и*, напр. *поить, бои*, но в начале слова перед *и* звук *j* бывает только в народных говорах (*их* = jих, *им* = jим и т. д.). Перед *а, о, у* обозначается написанием вместо этих букв *я, ѐ* и *ю*, напр. *яма, пояс, елка, поет; юла, поют.*

После согласного *перед гласным.* Правописание гласного остается, как это только что было указано. т. е. *я, е, ю,* но, кроме того, чтобы избежать чтения согласного, как мягкий + гласный, обозначается и *j*: после префиксов пишется *ъ*, напр. *подъезд, подъячий, съюлить*, в простых же словах пишут *ь*, напр. *вьюга, пьет, пьяный* (ср. *съел* и *сел*).

Примечание. Отметим, что русских слов, начинающихся со звука *е*, всего несколько: *эх, эй, этот, этак, этакий;* они пишутся через *э*, буква же *е* в начале слова или слога означает или слог *je* (*ель, поесть*) или же звук *е* с предшествующим смягчением; все прочие слова с буквой *э* иностранные, напр. *экипаж, мэр, дуэль, поэзия.* По поводу последних двух слов нужно заметить, что в русском языке два гласных рядом встречаются очень редко: *ау, паук, баушка* (народном вместо *бабушка*), а слова вроде *аул, баул, раут, дуэль, поэзия, поэт* — все заимствованные.

§ 121. Морфологическая орфография.

Как мы уже отметили в § 118, орфография вовсе не ставит себе задачею передавать произношение. Произношение, т. е. артикуляция звуков, всегда до известной степени индивидуальна. Один произносит *т* (твёрдое) и *т'* (мягкое) иначе, чем другой и т. д. Если бы на письме нужно было передавать произношение, то пришлось бы, как это и делает фонетическая транскрипция, т. е. научная звуковая запись речи, изобретать массу значков, чтобы отмечать все индивидуальные особенности произноше-

ния [1]). Такое письмо не могло бы, конечно, выполнять своей социальной роли, т. е. служить для всего общества. Важно не то, как Иван или Петр произносят *т* или *т'*, а то, что они различают твердое *т* от мягкого, как связанные со смысловым различием. Эти различения и должна передавать орфография, приспособляя знаки алфавита к фонемам.

Поэтому орфография и произношение никогда не могут вполне совпадать.

Письмо существует для глаза Слова должны быть понятны при первом же взгляде на их начальные буквы. Умение читать глазами требует известной подготовки Когда учатся грамоте взрослые, то им трудно дается чтение „про себя", т. е. глазами, им нужно обязательно если не произносить громко, то, по крайней мере, двигать губами и языком, беззвучно артикулировать, чтобы понимать. Для быстрого понимания слов глазами нельзя писать слова так, как они произносятся.

Редукция гласных, заглушение звонких и озвончение глухих, ассимиляция свистящих шипящим (см. §§ 107, 109 и 110) изменяют звуковую сторону отдельных слов одной и той же семьи и одного и того же слова в его разных формах. Глазом мы не поймем сразу, что „д мавоj" опирается на *дом* и что „грус'т'" это *груздь*, а не *грусть*, что „уч'ицца" это *учиться*, а не *учится* и т. д. В живом языке мы говорим фразами; интонация, ударения, жест, ситуация — все пополняет и уточняет смысл каждого слова. На письме всего этого нет, слово становится более самостоятельным (взять хотя бы заглавия, подписи и т. п.), и должно пониматься более или менее независимо от других слов

Поэтому орфография должна поддерживать на письме зрительное единство слова во всех его формах и зрительное единство семьи слов, и, наконец, зрительное единство типа словоизменения Мы пишем *дуб* (а не дуп), потому что во всех других падежах будет *дуба*, *дубу* и т. д, по тем же причинам пишем *лев*, а не „леф"; поддерживая единство типа словоизменения, пишем безударные окончания *стàрого*, *стàрому* так же как и ударные *молодóго*, *молодóму;* ср. также *дóма*, *дóму*, потому что *столá*, *столý; óкна*, потому что *делá;* пишем одинаково и *спалить* и *сбить* и *сжать*, приняв раз навсегда, что эта приставка пишется через *с*, наконец, поддерживая зрительное единство семьи, пишем *о* во всех

[1]) Так, напр, учёные употребляют до 120 знаков только для русских гласных звуков.

членах семьи, образуемой от *дом* > *домà, домовой, домой, домовничать* и т. д. и т. д.

Русская орфография охраняет морфологический принцип, т. е. стремится писать производные по основному слову, одну и ту же форманту — по одному образцу для всех случаев, флексии — по ударяемому типу, не считаясь с фонологическими законами, изменяющими звуковую сторону слова.

§ 122. Изменение орфографии.

Таким образом расхождение орфографии с произношением неизбежно. Звучащий язык изменяется, и нередко бывает так, что поколение детей произносит многое не так, как в то же самое время произносит поколение отцов. Так, напр., теперешние взрослые москвичи говорят „чисы", „рика", „питак", а их отцы говорили и продолжают говорить „чесы", „река", „петак"; орфография же знает только *часы, река, пятак*. Орфография консервативна, она подчеркивает на письме то, чего уже нет в звучащем языке, и многие из ее правил сохранились от старых времен, иногда очень древних. Орфография условна, но мы уже знаем, что все языковые знаки мысли — слова, форманты, морфемы — условны, и что только потому они и могут иметь общеобязательный характер.

Каждый из нас не властен менять орфографию по своему произволу: его не поймут читающие, а сверх того, сочтут чудаком или безграмотным. Каждый должен писать „как все", точно так же, как каждый должен говорить „как все". В живой речи „дают тон", создают норму, которой прочие стремятся подражать, образованные люди, литература, театр, ораторы. В письме же орфографическую норму создаёт высшее ученое учреждение — Академия наук Она охраняет существующее правописание, она же видоизменяет его, когда оно чересчур расходится со звучащим языком, отменяет устаревшие стеснительные правила и вводит новые. Словом, Академия охраняет письмо как социальное установление, призванное служить для всех членов общества.

Каждый из нас может не соглашаться с существующим правописанием. Так, напр., нет никакой необходимости писать по-разному в словах *вьюга* и *въехать*. Можно было бы писать одинаково *въюга, въехать* или, что было бы лучше, *вьюга, вьехать*. Однако сами менять орфографию мы не можем, а должны подчиняться авторитету Академии наук, которая время от времени пересматривает орфографические правила.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ А. М. Пешковского 3
ОТ АВТОРА 5

Глава I.

Наша речь.

§ 1. Человеческая речь 11
§ 2. Речь и язык . . . . . —
§ 3. Высказывание 12
§ 4. Обстановка 10
§ 5. Интонация . . . . . —
§ 6. Язык 14
§ 7. Частные языки 15
§ 8. Общий язык 16
§ 9. Аффективность . . . . . —
§ 10. Субъективность 17
§ 11. Язык эмоциональный и язык интеллектуальный 18
§ 12. Речь практическая 19
§ 13. Речь теоретическая . . . . . —
§ 14. Речевые установки 20
§ 15. Синонимы 21
§ 16. Переносное значение 22
§ 17. Роль лица говорящего . . . . . —
§ 18. Эквиваленты фразы 23

Глава II.

Строение фразы.

§ 19. Семья слов 24
§ 20. Синтагма . . . . . —
§ 21. Внешняя синтагма 25
§ 22. Слова знаменательные и незнаменательные 26
§ 23. Синтагматика фразы . . . . . —
§ 24. Вещественное и формальное значения в слове 27
§ 25. Формальные значения определяющего 28
§ 26. Предикативная синтагма 29
§ 27. Выражение синтагматических отношений 30
§ 28. Предикат 31
§ 29. Подлежащее 32
§ 30. Устранение подлежащего . . . . . —
§ 31. Предложение 33
§ 32. Несинтагматические отношения в фразе 34
§ 33. Сочинение . . . . . —
§ 34. Подчинение 35
§ 35. Внесение 36

Глава III.

Строение слова.

§ 36. Разряды слов . . . 37
§ 37. Существительное . . . 38
§ 38. Глагол . . . 39
§ 39. Прилагательное . . . —
§ 40. Наречие . . . 40
§ 41. Неполнозначные слова . . . —
§ 42. Роль частей речи в фразе . . . 41
§ 43. Переход на другую роль . . . 42
§ 44. Сдвиг формальных значений . . . 43
§ 45. Скрытая синтагма . . . 44
§ 46. Омонимы . . . 45
§ 47. Строение слова: форманты . . . 46
§ 48. Продуктивные форманты . . . 47
§ 49. Строение слова: морфемы . . . 48
§ 50. Морфология . . . 50
§ 51. Бесформенные слова . . . 51
§ 52. Междометия . . . —
§ 53. Лексикализация . . . 52

Глава IV.

Существительные.

§ 54. Определение существительного . . . 54
§ 55. Разряды существительных . . . —
§ 56. Число . . . 55
§ 57. Род . . . —
§ 58. Падежи . . . 56
§ 59. Подлежащее . . . —
§ 60. Предикат . . . 57
§ 61. Дополнение . . . —
§ 62. Приложение . . . 59
§ 63. Обстоятельство . . . —
§ 64. Обращение . . . —
§ 65. Местоимения . . . 60
§ 66. Числительные . . . —
§ 67. Словообразование . . . —

Глава V.

Глаголы.

§ 68. Определение глагола . . . 63
§ 69. Переходность . . . 64
§ 70. Залоги . . . —
§ 71. Вид . . . 65
§ 72. Образование видов . . . —
§ 73. Спряжение . . . 66
§ 74. Таблица глагольных форм . . . 67
§ 75. Наклонения . . . 68
§ 76. Времена . . . 69
§ 77. Синтаксические формальные значения . . . 70
§ 78. Предикат . . . 71
§ 79. Деепричастие . . . —
§ 80. Причастие . . . 72
§ 81. Инфинитив . . . 73
§ 82. Междометная форма глагола . . . 74
§ 83. Глагол быть . . . —

§ 84. Глаголы передвижения 75
§ 85. Словообразование 76
§ 86. Классификация глаголов 77

Глава VI.

Прилагательные.

§ 87. Определение прилагательного 79
§ 88. Разряды прилагательных . . . . . —
§ 89. Определение и предикат 80
§ 90. Прилагательное — эквивалент существительного 81
§ 91. Прилагательное в роли обстоятельства . . . . . —
§ 92. Словообразование 82

Глава VII.

Наречия.

§ 93. Определение наречия 83
§ 94. Разряды наречий 84
§ 95. Наречие-предикат 85
§ 96. Переход наречий в служебные слова . . . . . —

Глава VIII.

Служебные слова.

§ 97. Несамостоятельные слова 86
§ 98. Предлоги 87
§ 99. Союзы 88
§ 100. Частицы 89
§ 101. Вводные слова 90

Глава IX.

Звуковое строение речи.

§ 102. Звуковая сторона слова 91
§ 103. Роль звукописующих слов в речи . . . . . —
§ 104. Звукоподражание 92
§ 105. Звуки речи . . . . . —
§ 106. Звуковые законы 93
§ 107. Соотношение звонких и глухих . . . . . —
§ 108. Смягчение согласных 94
§ 109. Редукция гласных 95
§ 110. Ассимиляция 96
§ 111. Образование звуков речи 97
§ 112. Классификация звуков 98
§ 113. Фраза и слово 99
§ 114. Фраза и слог 100
§ 115. Слог и фонема 101

Глава X.

Письмо и орфография.

§ 116. Письмо идеографическое 103
§ 117. Письмо фонологическое 104
§ 118. Русская орфография 105
§ 119. Смягчение согласных на письме . . . . . —
§ 120. Написание *j* 107
§ 121. Морфологическая орфография . . . . . —
§ 122. Изменение орфографии 109